НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "CHRONOS"
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ»

(06 октября 2016г.)

г. Москва- 2016

© Научный журнал "Chronos"

УДК 159
ББК Ю88

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам VI, VIII международной научно-практической конференции: «психологическая наука и образование» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). –М : Научный журнал " Chronos ", 2016. – 76с.

Тираж – 300 экз.

УДК 159
ББК Ю88

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:
Научный журнал «Chronos»
Электронная почта: psychology@chronos-journal.ru
Официальный сайт: chronos-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

Минина Анна Михайловна
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА» 4

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Колбанов Владимир Васильевич,
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗРИТЕЛЬНОГО ФЕНОМЕНА КАЖУЩЕГОСЯ ДВИЖЕНИЯ 11

Левит Леонид Зигфридович
ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: НЕОБХОДИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА..... 16

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И КОРРЕКЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Фалкина Светлана Анатольевна
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА НАРКОТИЗАЦИИ И ПРИОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К УПОРТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИКОВ 56

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Литвинов К.А.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ СМЫСЛОИНИЦИИРУЮЩЕГО ТИПА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦВЕТООБРАЗОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ 62

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Жумакаева Бахыт Даулетхановна
МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ..... 66

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гиниятуллина Эльвира Хусейновна
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ УМЕНИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 72

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА»

Минина Анна Михайловна,
аспирант; Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, ауд. 417,

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образование, среда, образовательная среда.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению различных представлений о понятии «образовательная среда». Цель исследования – в ходе изучения научной литературы уточнить определение понятия «образовательная среда». Изучение образовательной среды начинается с выявления генезиса ключевых понятий «образование» и «среда» с помощью анализа выбранных источников, затем выделяется ряд присущих исследуемому феномену характеристик и уточняется его определение.

KEY WORDS: education, environment, educational environment.

ABSTRACT. The article is devoted to consideration of different views about the concept of «educational environment». The purpose of the study is to clarify the definition of «educational environment» in course of the scientific literature examining. The study of the educational environment begins with identifying the genesis of the key concepts «education» and «environment» through the analysis of selected sources, also it highlights a number of inherent features of the phenomenon and clarifies its definition.

Актуальность исследования понятия «образовательная среда» обусловлена, во-первых, освоением современной гуманистической тенденции развития отечественной школы, во-вторых, необходимостью создания такой среды, в которой будет происходить естественное свободное развитие студента, в-третьих, важностью многофакторного взаимодействия студентов, администрации и преподавателей вуза в процессе образования.

Имея два ключевых понятия: «образование» и «среда», рассмотрим их в генезисе, полагая, что это поможет нам ориентироваться в разработке модели виртуальной образовательной среды вуза и затем в ее реализации в нашем опыте работы с преподавателями и студентами университета.

Роль среды, ее значение в различных сферах жизни и деятельности людей признается специалистами многих областей науки: философами, психологами, биологами, культурологами, социологами, педагогами, лингвистами. Если говорить об этимологии слова «среда», которое было унаследовано русским литературным языком от языка старославянского (ср. русск. середа, середина, середка и т. п.), то и в древнерусской письменности XI–XV вв. оно употреблялось в разных значениях: середина; средний день недели, середа; посредство, промежуточная область; внутренность, сердцевина; совокупность людей [2].

Под влиянием русской публицистической речи в 30–40-х годах XIX в. происходит расширение значений термина *среда*. В частности, французское слово *milieu* («общественное окружение») по-русски передавалось словом *среда*, которое получает новое значение – «совокупность условий, влияющих на формирование и функционирование человека в обществе, предметная и человеческая обстановка развития личности, ее способностей, потребностей, интересов, сознания» [9, с. 674].

Перенос физических, естественнонаучных понятий в область социальных наук привел к употреблению слова *среда* применительно к социальным условиям жизни той или иной общественной группы. Новое значение слово *среда* привело к употреблению новых понятий: *общественная среда*, *окружающая среда*, *социальная среда*, *мещанская среда, семейная среда*, *образованная среда* и т. п.

На сегодняшний день, в русском языке существуют два основных смысла слова *среда* (не считая обозначения дня недели):

1. «окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью жизненных условий, занятий, интересов и т.п.» [6, с. 705];
2. «совокупность природных или социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность какого-либо организма» [6, с. 705].

Таким образом, под влиянием естественнонаучного языка, понятие «среда» приобрело новые синонимические употребления, связанные со словами: вещество, сфера, социальный круг, общественные условия и стало широко употребляться в гуманитарных дисциплинах. В психологии и педагогике началось исследование социальной среды, в которой протекает образование, обучение и воспитание, ее различных факторов, влияющих на развитие образовательного учреждения и его субъектов. Заметим, что в своем исследовании мы рассматриваем только социальную среду, поэтому нас интересуют точки зрения, связанные с положением человека в социальной среде, хотя признаем и значимость для него природной среды.

На основе анализа научной литературы нам удалось выделить три основных положения человека в системе «человек — среда»: центральное, подчиненное и обоюдное.

Так приверженцы первого подхода отмечают неравноправность отношений среды и человека. Как отмечает Г.П. Щедровицкий, во взаимоотношении организма со средой «два члена отношения уже не равноправны»; субъект является первичным и исходным; среда задается по отношению к нему, как нечто имеющее ту или иную значимость для организма [11, с. 28].

Другая позиция связана с «идеей зависимости личности (в том числе и выдающейся) от строя и характера определенной социальной системы (общества, класса, сословия, группы)» [9, с. 674], тогда человек является «носителем» определенной совокупности социальных черт, он детерминирован средой, она является определяющей.

Третья позиция обусловливает взаимозависимость и взаимовлияние человека и среды, или он подавляется средой, или может ее изменять. Так, В. А. Ясвин в своей работе приводит «теорию возможностей» Дж. Гибсона (1988), подчеркивающую активное начало субъекта, осваивающего свою жизненную среду. В. А. Ясвин пишет: «Возможность — мостик между субъектом и средой. Возможность определяется как свойствами среды, так и свойствами самого субъекта». К примеру, наличие стула является для взрослого человека возможностью на него сесть, то для ребенка – это возможность использовать стул в качестве стола (порисовать, положить что-нибудь). «Чем больше и полнее личность использует возможности среды, тем более успешно происходит ее свободное и активное саморазвитие» [12, с. 4].

С психолого-педагогической точки зрения, на наш взгляд, перспективно рассмотреть вопрос развития студента в образовательной среде высшего учебного заведения. При этом мы будем придерживаться позиции, утверждающей детерминированность личности средой, однако не только активно ее осваивающей, но вносящий в нее творческое начало, актуализирующийся в возможности собственного влияния на позитивные изменения образовательной среды вуза. И тогда будем исходить из понимания социальной среды как «совокупности условий, влияющих на сформирование и функционирование человека в обществе, предметная и человеческая обстановка развития личности, ее способностей, потребностей, интересов, сознания» [9, с. 674]. Однако, отметим, что концепция социальной среды, получившая дальнейшее развитие в философии, социологии, психологии и педагогике, но и в обыденном сознании, менялась под воздействием социокультурных изменений. Например, с развитием производства и возникновением новых технологий, также и с развитием гражданско-правовых отношений расширением образования и его функций. В частности, происходили значительные изменения в деятельности и коммуникативности индивидов, их интеллекте, культурных и моральных аспектах развития личности под влиянием среды, как и обратное влияние личностей на изменения в среде. Порой это были радикальные изменения, в том числе в образовании.

Следуя логике нашего анализа, необходимо остановиться на ключевом понятии – «образование».

В настоящее время нет единой трактовки понятия «образование». Это объясняется, с одной стороны, сложностью данного социокультурного и педагогического явления, с другой, – целями конкретных исследований, в которых изучались те или иные аспекты образования, образовательной среды, образовательной деятельности. Например, А.В. Хуторской приводит целый ряд трактовок, которые определяют одну или несколько граней этого понятия [10]:

1. Образование как процесс приращения нового (новообразование) для: отдельного человека, личности, группы, коллектива, общества, государства, человечества и др.

2. Образование как духовный облик человека, который складывается под влиянием его социокультурного окружения и внутренних ценностных ориентиров.

3. Образование как воздействие на личность (формирование), и наоборот: образование как развитие личности (выращивание ее субъективных возможностей).

4. Образование как процесс и образование как результат. Процесс образования характеризуется изменениями учащихся на протяжении определенного периода времени и предполагает наличие образовательных технологий, форм, методов для осуществления образования. Результат образования выражается как формально, например, сертификатом (начальное, полное среднее, высшее образование), так и содержательно (математическое или гуманитарное образование, углубленное или обзорное и т.д.)

5. Образование как расширение степеней свободы, позволяющее осуществлять осознанный и компетентный выбор жизненного пути и движение по нему.

6. Образование как процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков.

7. Образование как система образовательных структур – учебных заведений (лицей, гимназия, колледж), форм образования (домашнее образование, дополнительное образование), типов образования (государственное, муниципальное, частное) или их качественная характеристика (непрерывное образование) [10, с. 48-49].

Также А.В. Хуторской выделяет два принципиально разных подхода к образованию, каждый из которых основывается на определенном понимании человека:

1. «Человек – глина». Образ формирующей педагогики, где человек как «чистый лист» является материалом для педагогической работы с ним. Образование здесь – процесс передачи несостоявшемуся ученику багажа знаний человечества, для того, чтобы он влился в социум, в котором живет.

2. «Человек – семя» обладает генетически заложенной сущностью и заданной программой развития. Основу образования составляет самоопределение и продуктивная самореализация ученика по отношению к миру и социуму. Образование в данном случае есть развитие потенциальных качеств человека, заложенных в нем изначально и реализующихся в зависимости от имеющейся или создаваемой среды [10, с. 52].

Вокруг данных пониманий человека и соответствующих типов образования концентрируется большинство педагогических систем и используемых обучающих технологий. Нас интересует второй подход, как более гуманный, по нашей оценке. В этой связи интересно разобраться с тем, что есть имеющаяся или создаваемая образовательная среда, в которой комфортно развиваться человеку в соответствии со своей генетической программой.

Для этого рассмотрим разные точки зрения авторов, исследующих понятие, сущность и структуру образовательной среды, в том числе вуза. В частности, П. П. Ефимов [3] дает ряд толкований данного понятия в современных педагогических исследованиях:

1. среда вуза – совокупность условий, средств и факторов вузовской жизнедеятельности студентов и преподавателей (В. Л. Кургузов);
2. образовательная среда – совокупность специально создаваемых и спонтанно возникающих условий взаимодействия личности и объективного мира вуза, являющейся дополнением к собственно предметному обучению (А. И. Артюхина);
3. образовательная среда – система ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека (Ю. Н. Кулюткин, С. М. Тарасов).

Некоторые исследователи связывают образовательную среду с пространством:

1. образовательная среда – пространство особым образом организованных отношений [1, с. 62];
2. образовательная среда – система влияний и условий формирования личности по данному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [12, с.6].

При этом, заметим, что В. А. Козырев разводит понятия «среда» и «пространство», аргументируя тем, что пространство может влиять на человека, но не учитывает его вовлеченность, а среда есть взаимное влияние и действие окружения с субъектом образования. Отсюда, среда как педагогическое явление есть совокупность условий, в которых разворачивается образовательный процесс, и с которыми вступают во взаимодействие субъекты этого процесса [4, с. 275].

Явное отличие определения понятия «образовательная среда» от названного выше мы обнаружили в работе Ю. Н. Михайловой, которая исследуя среду вуза в качестве средства повышения уровня адаптивности студентов к профессиональной деятельности, понимает ее как «продукт отношений» участников образовательного пространства. И пишет: «образовательная среда представляет собой одну из форм взаимосвязи человека и окружающего мира. Человек, получающий образование, не просто взаимодействует с образовательной средой, он может самореализоваться в этом взаимодействии, осваивая культуру, выстраивая социальные отношения, вовлекая материал природы в пространство собственной жизнедеятельности. Таким образом, образовательная среда представляет собой продукт отношений между субъектами образовательного пространства» [5, с. 134].

Данные положения, на наш взгляд, обогащают современные представления о феномене образовательной среды постановкой проблемы самореализации личности в среде вуза и за ее пределами. В целом же проведенный нами анализ различных определений понятия «образовательная среда» убедил в том, что авторы пишут о возможностях, т.е. о потенциале, которым

располагает среда каждого образовательного учреждения, однако для его реализации необходимы достаточные педагогические условия.

В своей работе, следуя современным представлениям об образовательной среде (Н. Б. Пугачева, Н. В. Судденкова, И. П. Татаринова) [7, с. 64-65], мы исходим из ее определения как многомерной и полифункциональной данности, характеризующейся цельностью, неразрывностью, процессуальностью, обусловливающих постоянное обновление содержания и технологии обучения и воспитания, выступающей объективным фактором личностного и профессионального развития всех субъектов образования (студентов, преподавателей и менеджеров).

Подводя итог, сформулируем наше определение *образовательной среды вуза как совокупности внешних и внутренних факторов, стимулирующих создание необходимых и достаточных психолого-педагогических условий для успешной актуализации идентичной личности на основе самоопределения в свободном выборе целей и средств продуктивной самореализации*. Этим определением мы будем пользоваться в своем исследовании виртуальной образовательной среды современного вуза.

Список литературы

1. Алисов Е. А. Инновационная образовательная среда как фактор самореализации личности / Е. А. Алисов, Л. С. Подымова // СПО. – 2001. – № 1. – С.61-63.
2. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. – Режим доступа: http://wordhist.narod.ru/voobragat.html
3. Ефимов П. П. Сущность инновационной образовательной среды вуза [Текст] / П. П. Ефимов, В. Н. Костин // Молодой ученый. – 2014. – №7. – С. 502-506.
4. Козырев В. А. Высшее образование России в зеркале Болонского процесса: науч.-метод. пособие для пед. работников вузов / В. А. Козырев. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 429 с.
5. Михайлова Ю. Н. Воспитательно-образовательная среда вуза как средство повышения уровня адаптивности студентов к профессиональной деятельности / Ю. Н. Михайлова //Вопросы современной науки и практики. – 2010. – № 7-9(30) – С. 131-137.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова .— 4-е изд., доп. — Москва : А ТЕМП, 2013.— 873 с.
7. Пугачева Н. Б. Сущностная характеристика инновационной образовательной среды / Н. Б. Пугачева, Н. В. Судденкова, И. П. Татаринова // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2012. – № 1. – С. 64-71.
8. Рацибурская Л. В. Словарь уникальных морфем современного русского языка / Л. В. Рацибурская. – Москва: Флинта, 2009. – 160 с.

9. Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова .— 3-е изд., испр. и доп. — М. : Академический Проект, 2004 .— 864 с.

10. Хуторской А. В. Современная дидактика : Учебник для вузов / А. В. Хуторской. — СПб. : Питер, 2001 .— 536 с. : ил.

11. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ) / Г. П. Щедровицкий. // В кн. Педагогика и логика. М., 1993. С. 16—200.

12. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001. – 365 с.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗРИТЕЛЬНОГО ФЕНОМЕНА КАЖУЩЕГОСЯ ДВИЖЕНИЯ

Колбанов Владимир Васильевич,
профессор, доктор медицинских наук,
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова, Санкт-Петербург

Аннотация. Зрительный феномен кажущегося движения (β-движение) был исследован монокулярно и бинокулярно у 22 взрослых людей. Расстояние между двумя источниками света было 6˚ в каждом из восьми меридианов поля зрения, длительность вспышек — 25 мс, задержка времени между вспышками -от 75 до 160 мс. Временной диапазон в центре поля зрения был от 80 до 140 мс и в парацентральных областях от 90 до 157 мс. В области слепого пятна кажущееся движение имело тот же характер, что и в других меридианах от 12 до 18˚. Минимальным для появления феномена время задержки оказалось в нижнем и левом меридианах, для исчезновения феномена — в левом, нижнем и правом меридианах. Максимальным оказался временной интервал в верхней части поля зрения. Различия между меридианами при монокулярном и бинокулярном наблюдении были похожими, но бинокулярные различия были менее выраженными. Полученные результаты дают основания полагать, что механизм кажущегося движения сродни зрительному анализу реального движения.

Ключевые слова: центральное и периферическое зрение, вспышки света, монокулярное и бинокулярное наблюдение, кажущееся движение,, анизотропия.

QUANTITATIVE CHARACTERS OF VISUAL PHENOMENON OF APPARENT MOTION

Kolbanov Vladimir Vasilyevich,
professor, doctor of medical sciences,
Pavlov First Medical University, St.Petersburg.

Abstract. Visual phenomenon of apparent motion (β-motion) was investigated monocularly and binocularly in 22 men. Distance between light sources was 6˚ in each of eight meridians of visual field, flash duration – 25 ms, variable time delay between flashes – from 75 to 150 ms. Time ranges of the phenomenon were from 75 to 140 ms in the centre of visual field and from 80 to 150 ms in paracentral areas. In the region of blind spot apparent motion had the same character as in other meridians within 12-18˚ eccentricity. Minimal time delay with phenomenon beginning was in left meridian, with phenomenon disappearance – in left, right and lower meridians of visual field. Maximal time interval for phenomenon disappearance was in the upper part of visual field. Differences between meridians

were similar during the monocular and binocular observations, but binocular variations were smaller. These results make it possible assuming that brain mechanisms of the visual apparent motion are kindred with analysis of real motion.

Keywords: light flashes. central and periphery vision, monocular and binocular observation, visual apparent motion, anisotropy.

Введение

Кажущееся движение — это зрительная иллюзия, при которой зрительное восприятие движения появляется в отсутствие реального движения объекта. Этот феномен впервые обнаружил Экснер [1], но намного позже М.Вертгхймер сделал первую попытку детально проанализировать зависимость иллюзии от комплекса некоторых параметров [12]. Для объяснения феномена Вертхаймер предложил теорию распространения возбуждения, согласно которой в мозге или в сетчатке происходит некое взаимодействие между возбуждениями, вызванными двумя пространственно раздельными оптичесими стимулами. По мнению Вертхаймера, феномен может появляться при временной задержке между стимулами от 60 до 200 мс. Позже усилиями многих авторов другие параметры кажущегося движения были изучены и классифицированы. Согласно большинству классификаций, феномен Вертхаймера (φ-феномен) был назван также β-движением, или оптимальным движением. Найдено, что появление феномена обусловлено многими параметрами, среди которых главными могут быть названы следующие:

- интенсивность стимулов,
- размеры и форма стимулов,
- длительность экспозиции стимулов,
- угловое расстояние между стимулами,
- временной интервал между стимулами,
- частота повторения пары раздражителей,
- продолжительность наблюдения.

Взаимная зависимость между этими параметрами до конца не изучена, но основные взаимоотношения сформулированы в виде пяти законов Кортэ [7]. С учетом этих законов, по данным Нейгауза, оптимальное движение может появляться при длительности задержки 80 – 400 мс [9].

Результаты исследований некоторых авторов доказывают перцептивную природу этой иллюзии. Её возникновение связывают с существованием избирательно настроенных детекторов направления движения, которые имеют анизотропную структуру [4]. Зрительная «инерция движения» объясняется особым соединением между собой дирекционально чувствительных детекторов движения, в результате чего создается обратная связь и обеспечивается своего рода преднастройка тех детекторов, которые расположены дальше на прямолинейной траектории [10]. Имеются доказатель-

ства наличия центрально расположенных механизмов кажущегося движения (предположительно, в первичных областях коры). В объяснениях физиологической сущности иллюзии центральное место занимают представления о корковом взаимодействии между соседними нейронами [2]. При сопоставлении реального и кажущегося движения обнаруживаются некоторые различия в их восприятии, что послужило основанием для утверждения о различии их физиологических механизмов [5]. Психофизиологические исследования всё больше убеждают в справедливости гипотезы о тождественности механизмов зрительного восприятия реального и кажущегося движения [11].

Вероятность появления кажущегося движения в зависимости от межстимульного интервала показывает относительную однородность в пределах около 6° [6]. Однако различия все-таки есть. Минимальное (пороговое) расстояние между поочерёдно включаемыми стимулами, вызывающими зрительную иллюзию движения, возрастает при увеличении эксцентриситета с 6 до 25 градусов [3].

Методика исследования

Поскольку данное исследование изначально было ориентировано на выявление анизотропии исследуемого феномена, было создано устройство в виде панели, расположенной во фронтальной плоскости (кампиметра) со светодиодами вдоль восьми меридианов поля зрения. Длительность световых вспышек и продолжительность пауз между ними были обусловлены круговым вращением упругого металлического проводника, скользящего вдоль дуги с двумя металлическими полосками, поочередно замыкающими электрические цепи питания светодиодов. Расстояние между полосками в ходе исследования менялось с целью регулирования продолжительности задержки между двумя световыми стимулами. Длительность контактов и задержки были обусловлены вращением моторчика с угловой скоростью один оборот в секунду. Исследование выполнялось в центре поля зрения с последовательным центробежным включением светодиодов (0 и 6 градусов) или в ближней периферии (12 и 18 градусов). Кампиметр находился на удалении 0,5 метра от глаз наблюдателя. Фоновая освещённость экрана составляла 10 лк, размеры светоизлучающих поверхностей светодиодов были равны 14 угловым минутам, яркость вспышек 5 кд/м^2 , длительность каждой вспышки — 25 мс. Кажущееся движение наблюдали 22 взрослых человека, имеющих эмметропическую рефракцию.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования представлены в таблицах 1 и 2, имеющих идентичную структуру. Таблица 1 отражает результаты наблюдения в центре поля зрения, таблице 2 — в ближней периферии (12-18 градусов). В первой колонке каждой таблицы названы направления меридианов поля зрения,

в колонках 2 и 5 указаны длительности пауз между вспышками, при которых феномен появляется (средние значения и доверительные интервалы), в колонках 3 и 6 — когда исчезает, а в колонках 4 и 7 — отношения между длительностями, соответствующими началу и концу диапазона наличия феномена.

Таблица 1

Паузы между вспышками(мс), обеспечивающие кажущееся движение в центре поля зрения

Меридианы	Монокулярное наблюдение			Бинокулярное наблюдение		
	Начало	Конец	Н/К	Начало	Конец	Н/К
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Левый	79.5±3.2	129.0±4.8	0.616	76.8±2.9	125.3±4.9	0.613
Лево-верхн.	82.0±3.1	134.1±5.0	0.611	78.7±3.0	129.3±4.9	0.609
Верхний	86.7±3.1	140.0±4.9	0.619	82.7±3.0	135.2±5.0	0.612
Верх-прав.	84.1±3.2	139.3±4.9	0.619	81.3±3.1	133.3±5.1	0.610
Правый	80.9±3.2	133.0±5.2	0.608	79.3±3.0	130.0±5.1	0.610
Право-нижн.	83.3±3.2	137.0±5.0	0.608	79.6±3.1	130.2±5.0	0.611
Нижний	79.4±2.9	129.0±4.9	0.616	76.4±3.0	124.5±4.9	0.614
Нижне-лев.	82.2±3.3	134.7±5.1	0.610	77.2±2.9	126.1±5.0	0.612

Таблица 2

Паузы между вспышками (мс),обеспечивающие кажущееся движение в парацентральных участках поля зрения

Меридианы	Монокулярное наблюдение			Бинокулярное наблюдение		
	Начало	Конец	Н/К	Начало	Конец	Н/К
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*
Левый	90.6±3.3	146.7±4.9	0.618	84.8±2.5	138.1±4.8	0.614
Лево-верхн.	95.5±3.3	156.2±5.1	0.611	88.4±2.3	144.2±4.9	0.613
Верхний	96.7±3,3	157.0±5.3	0.616	88.9±2.2	144.5±4.7	0.615
Верх-прав.	94.6±3.3	155.0±5.7	0.610	88.9±2.6	144.9±5.0	0.614
Правый	90.9±3.4	149.4±5.5	0.608	85.3±2.6	140.6±5.0	0.607
Право-нижн.	91.0±3.3	147.3±5.5	0.618	85.5±2.9	139.9±5.1	0.611
Нижний	90.1±3.1	146.2±5.6	0.616	83.3±2.8	134.8±5.0	0.618
Нижне-лев.	91.1±3.2	147.8±5.6	0.616	85.3±2.6	139.3±4.9	0.612

Полученные результаты позволяют заметить, что паузы между вспышками, соответствующие появлению и исчезновению феномена, в центре поля зрения всегда меньше, чем в ближней периферии. При бинокулярном наблюдении паузы всегда меньше, чем при монокулярном. Имеются не вполне объяснимые различия между меридианами поля зрения, имеющие в

принципе одинаковый характер при монокулярном и бинокулярном наблюдении, при наличии только количественных особенностей. Продолжительность задержек между вспышками минимальна в нижнем меридиане и максимальна в верхнем. Сравнительно невелики значения задержек в левом меридиане в центре и на периферии поля зрения, как при монокулярном, так и при бинокулярном наблюдении, что не объяснимо морфологическими особенностями рецептивных полей. Непрямым путём эти результаты свидетельствуют о, главным образом, центральном нервном механизме феномена, поскольку изображения, падающие на неидентичные ретинальные области, не могут обеспечить идентичную обработку информации в ретинальных нейронных цепях. Бинокулярное взаимодействие, облегчающее возникновение феномена не может объяснить сущность иллюзии только периферическими механизмами. Основные механизмы локализованы, вероятно, в центральных нейронных сетях зрительной системы, выполняющих, кроме того, анализ реального движения. В области слепого пятна (12-18 градусов в височном меридиане поля зрения) кажущееся движение сохраняет те же качественные особенности, что и в других меридианах при том же эксцентриситете. Не было ни одного случая фантомной вспышки в области слепого пятна, как в исследованиях Локхида [8]. Оптимальное движение в этой зоне сохраняло свою плавность, что ещё раз подтверждает центральную природу феномена.

Экстраполяция траектории кажущегося движения выполняется несколько лучше при бинокулярном наблюдении, чем при монокулярном. Очевидно, это преимущество менее всего обусловлено бинокулярной суммацией. В этом случае интерокулярные различия и синхронизация возбуждения в зрительных центрах имеют намного большее значение.

Ещё одна особенность оказалась характерной для исследуемого феномена во всех меридианах. Соотношение между временем появления кажущегося движения и временем его исчезновения (в табличных столбцах Н/К) колебалось вблизи «числа Фибоначчи» 0.618, что является одним из признаков «золотой пропорции» или «золотого сечения», подтверждением математического закона гармонии.

Список литературы

1. Exner S. Ueber das Sehen von Bewegungen und die Theorie des zusammen-gesetzten Auges // Sitzungsb. d. k. Akad. d. Wissensch.., Wien. – 1876. – III Abth. – Bd. 72, Heft 8, Abt. 3. – S. 156 – 190.

2. Foster D.H., Thorson J., McIlwain J.T., Biederman-Thorson M. The fine-grain movement illusion: a perceptual probe of neuronal connectivity in the human visual system // Vision res. – 1981. – Vol. 21, No 7. – P. 1123 – 1128.

3. Foster D.H., Gravano S., Thorson J. Acuity for fine-grain movement illusion varies little with retinal eccentricity, unlike that for two-dot spatial resolution. //J. Physiol., Gr. Brit. – 1982. – Vol. 328. – P. 36 – P.37.

4. Hirata T. Perceived direction of apparent movement //Tohoku Psychol. Folia. – 1982. Vol.41, No 1-4. – P. 35 – 41.

5. Kolers P.A. The illusion of movement // Scientific American. – 1964. – Vol. 211, No 4. – P. 98 – 106.

6. Kolers P.A., Grunau M., von. Fixation and attention in apparent motion // Quart. journ. exp. psychol. – 1977. – Vol. 29, No 3. – P. 389 – 395.

7. Korte A. Kinematoskopisce Untersuchungen //Ztschr. f. Psychol. – 1915. – Bd. 72, Heft 1-2. – S. 193 – 296.

8. Lockhead G.R., Johnson R.C., Gold F.M. Saltation through the blind spot // Percept. Psychophysics. – 1980. – Vol. 27, No 6. – P. 545 – 549.

9. Neehaus W. Experimentelle Untersuchung der Scheinbewegung // Arch. f. d. gesammte Psychologie. – 1930. – Bd. 75, Heft 1-2, S. 315 – 458.

10. Ramachandran V.S., Anstis S.M. Extrapolation of motion path in human visual perception // Vision res. – 1983. – Vol. 23, No 1. – P. 83 – 85.

11. Robins C., Shepard R.N. Spatio-temporal probing of apparent rotational movement // Percept. Psychophysics. – 1977. – Vol. 22, NO 1. – P. 12 – 18.

12. Wertheimer M. Experimentelle Studien über das Sehen von Bewegung // Ztschr. f. Psychologie. – 1912. – Bd. 61, Heft 1. – S. 161 – 265.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: НЕОБХОДИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Левит Леонид Зигфридович

доктор психологических наук, доцент

Директор Центра психологического здоровья и образования, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В статье представлена разработанная автором «Личностно-ориентированная концепция счастья» (ЛОКС) и основные результаты, полученные с ее помощью. Двусистемное и многоуровневое построение данной теории позволяет успешно решать методологические проблемы в области общей психологии, а также психологии развития и психологии личности. Выводимые следствия имеют значение для педагогики, моральной философии и других смежных с психологией наук. На основе теоретической концепции разработаны и успешно апробированы несколько групп практических методик, включающих в себя систему психологического консультирования. Объяснительная сила и достигнутые с помощью ЛОКС результаты позволяют рассматривать ее в качестве кандидата на роль «окончательной» (наиболее общей и фундаментальной) теории для современной психологической науки.

Ключевые слова: альтруизм, личностная уникальность, самореализация, системный подход, счастье, эгоизм.

Summary. The article represents «Person-Oriented Conception of Happiness» (POCH) elaborated by the author as well as the main results obtained with its help. Dual-system and multilevel construction of the given theory enables to

solve successfully methodological problems in the spheres of general psychology, developmental psychology and the psychology of personality. The obtained conclusions are important for pedagogics, moral philosophy and some other sciences. On the basis of theoretical conception some groups of practical techniques are elaborated and successfully implemented. The explanatory power of POCH and the results obtained with its help give the opportunity to regard POCH as a candidate for the ultimate (the most general and fundamental) theory for the modern psychology.

Key words: altruism, personal uniqueness, self-realization, systemic approach, happiness, egoism.

Введение. В психологии давно назрела потребность в создании концепций и метафор, объединяющих разные научные направления [81, с. 846]. Как отмечает, в частности, В.А. Барабанщиков, необходимо объединение разнородного психологического знания на основе «концептуальных синтезов более высокого порядка». По мнению данного автора, подобный синтез может быть осуществлен на основе теорий, разработанных в рамках системного подхода [2, с. 268].

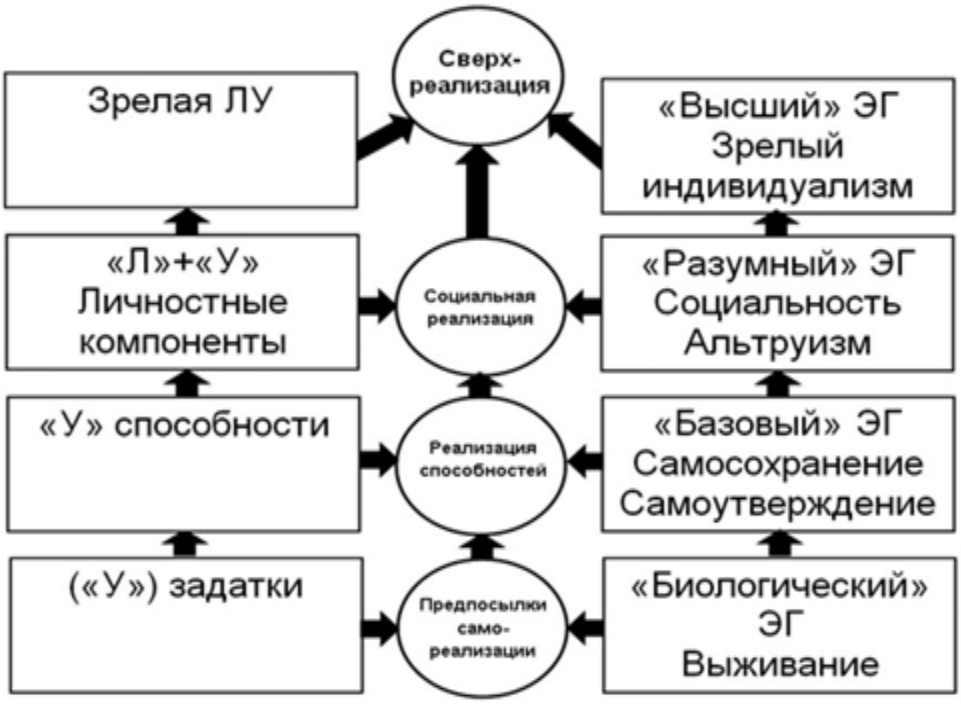
Уникальное положение психологии, обращенной как к естественнонаучным, так и к гуманитарным дисциплинам, определяет не только ее привлекательные возможности, но и уязвимые стороны. Сотни существующих и тысячи потенциально возможных подходов свидетельствуют, в первую очередь, об отсутствии основной, магистральной линии исследований, показывающей общее направление в сторону «конечных истин» и способной стать респектабельным «лицом», «визитной карточкой» психологической науки. Положение усугубляется чрезвычайной изменчивостью самого предмета исследования – человеческой психики («души»).

Между тем в естественных науках (в частности, в физике), опирающихся на более твердый фундамент, сформулирована сверхзадача построения всеобъемлющей, полной и согласованной теории, имеющей неограниченную применимость. Для этого ученые надеются открыть несколько простых общих законов, которые объяснили бы, почему мир такой, какой он есть [3]. Применительно к психологии подобная теория отвечала бы на вопрос, почему человек является таким, какой он есть.

В настоящей статье мы хотели бы представить собственную концепцию, способную, с нашей точки зрения, стать прообразом «окончательной» теории в психологической науке и практике. Наш оптимизм основан на твердом фундаменте, широких объяснительных возможностях двусистемной концепции, внутренне согласованных результатах, достигнутых в течение последнего десятилетия, и ясно выраженном направлении будущих исследований.

Личностно-ориентированная концепция счастья: краткое описание. В 2006-2012 гг. нами была разработана «Личностно-ориентированная

концепция счастья» (ЛОКС), в которой самореализация индивида, достижение им осмысленной, полноценной жизни описываются через взаимодействие двух систем – «Личностной Уникальности» (ЛУ) и «Эгоизма» (ЭГ). Каждая система состоит из 4-х уровней, соответствующих (снизу вверх) «организму», «индивиду», «личности» и «индивидуальности». Одновременно с этим, каждый уровень соотносится с определенным этапом человеческого развития – от внутриутробного состояния до зрелой самореализации [4; 6; 9; 58]. Обе системы развиваются от уровня к уровню и, соответственно, меняется характер взаимодействия между соответствующими друг другу «по горизонтали» уровнями каждой из них, связанный с осуществлением тех или иных жизненных задач (рис.).



Система «Личностная Уникальность» (ЛУ)

Система «Эгоизм» (ЭГ)

Рис. ЛОКС

Вначале опишем систему «Личностная Уникальность». На первом, биологическом уровне (соответствующим периоду внутриутробного состояния) она представлена помещенной в скобки и в кавычки буквой «У» («Уникальность»), что подразумевает некий «природный дар», задатки, имеющиеся в индивиде от рождения. Наличие скобок вокруг «У» на первом уровне системы «ЛУ» подчеркивает ее отнесенность к одной из *предпосылок* будущей самореализации. На следующем, втором уровне (жизненном этапе, ассоциируемом с детством и юностью), задатки постепенно превращаются в способности (скобки вокруг «У» открываются), т. е. заложенные в индивида предпосылки начинают актуализироваться, хотя поначалу в достаточно незрелой форме. В данный период у юного человека обычно имеется ряд трудностей, связанных с недостаточной личностной зрелостью и

ответственностью. Положение начинает исправляться в конце второго – начале третьего этапа, когда субъект приобретает мотивационно-личностные компоненты регуляции («Л»), позволяющие преодолевать препятствия «внутри» собственной деятельности и настойчиво стремиться к достижению связанных с ней целей. Наконец, на четвертом этапе (если таковой наступит) видим зрелую Личностную Уникальность, подлежащую реализации и определяющую жизненное предназначение человека, его судьбу [26].

Разумеется, в широком смысле слова каждый новорожденный имеет определенные «задатки», некие «индивидуальные особенности». Мы же определяем Личностную Уникальность в более строгом и узком смысле – как способность к определенной, в значительной степени новаторской активности, в конечном итоге определяющей жизненное предназначение человека. Иными словами, судить о наличии (Л)У, можно лишь по особенностям и результатам деятельности субъекта, не ранее.

Теперь опишем систему «Эгоизм» и ее развитие. Первый уровень составляет так называемый «Биологический» Эгоизм (БиоЭГ), родственный у человека и животных и отвечающий за выживание индивида. Это уровень организма, связанный с генетической полноценностью и нормальной работой систем жизнеобеспечения. В контексте самореализации нормально функционирующий БиоЭГ может ощущаться субъектом в качестве собственного здоровья, возможностей своего организма, состояния готовности к деятельности, отсутствия для нее телесных помех [25].

Второй уровень, так называемый «Базовый Эгоизм», частично представлен в сознании и чем-то аналогичен фрейдовскому Ид, «выступающему в качестве посредника между соматическими и психическими процессами в организме» [82, с. 113]. Данное понятие относится к уровню «индивид» и отвечает за самоутверждение человека, его желание скорейшей реализации собственных интересов и потребностей. В контексте стремления субъекта к счастью на втором уровне берет начало гедонистический эгоизм, связанный с получением «фундаментальных» удовольствий в процессе удовлетворения двух основных инстинктов – пищевого и полового. Прямолинейное самоутверждение индивида с помощью своего «Базового» Эгоизма может осуществляться и в весьма агрессивной форме.

Человек – существо не только индивидуальное, но и общественное, поэтому третий уровень (У-3) системы «ЭГ» представлен понятием «Разумного» Эгоизма (РЭГ). Подобно тому, как «Биологический» (и до некоторой степени «Базовый») Эгоизм способствуют приспособлению и самосохранению индивида в «природных» условиях, «Разумный» Эгоизм (соответствующий стандартным определениям личности как совокупности общественных отношений, психологическому носителю социальных свойств и т.д.) позволяет успешно адаптироваться к жизни в обществе, создавая возможности для социальной реализации индивида, достижению своих целей с учетом интересов других людей, умению сочетать свои потребности с требованиями группы.

Однако и социальный уровень (в более зрелом возрасте) способен оказывать тормозящее воздействие на дальнейшую индивидуально-творческую самореализацию. Примером может служить «успешный» киноактер, всю жизнь снимающийся в одном и том же амплуа. По мнению Н. Лумана, социальные системы в конечном итоге противоречат всякой индивидуальности [69, с. 285]. В современном мире они не говорят человеку, в чем заключается его уникальное предназначение, навязывая вместо этого конформное поведение. В противоположность этому модели самореализации определяют *высшую* форму жизни (четвертый уровень развития обеих систем ЛОКС) скорее на основе выхода за рамки общества. При этом акцент в идеальном существовании делается на твердом знании индивидом своей сокровенной сути (ЛУ в рамках нашей концепции), а не общепринятом представлении о «хорошем гражданине» [63, с. 135].

Четвертый уровень ЛОКС связан с высшими формами эгоизма (зрелого индивидуализма), когда субъект, пройдя три предыдущих этапа, принимает осознанное решение посвятить свою жизнь уникальной самореализации. Имеет место ограничение потенциально негативных (преимущественно гедонистических) сторон «низшего», «Базового» Эгоизма с его «принципом удовольствия», а также существенная переориентация «Разумного» Эгоизма на третьем уровне системы.

Третий и четвертый уровни системы «Эгоизм» находятся в диалектическом взаимодействии: на определенном этапе развития социализация необходима даже самому одаренному индивиду, поскольку тот должен в максимальной степени овладеть накопленными знаниями в избранном домене, включиться в соответствующие сферы человеческого общения и деятельности. С другой стороны, истинная, уникальная самореализация предполагает в конечном итоге преодоление культурных стереотипов, выход за их рамки, внесение в культуру принципиально нового знания.

Подобно тому, как человеческая цивилизация, вышедшая из животного мира, постепенно отделилась от него (что может быть описано как переход к третьему уровню системы «ЭГ» в рамках ЛОКС), так и одаренный индивид на определенном этапе своего развития «отделяется» от своей былой вовлеченности в социальные взаимодействия ради дальнейшего развития и реализации уникального потенциала, определяемого системой «ЛУ».

Важность ЭГ-4 для талантливого человека в повседневной жизни заключается и в том, чтобы, помня о своем высшем предназначении, надлежащим образом распорядиться имеющимся потенциалом, а в случае необходимости – противостоять давлению со стороны окружающих и социума в целом.

Каждый из уровней системы «ЭГ» способен под управлением «Высшего» Эгоизма бороться с возникающими помехами для реализации ЛУ: проблемами со здоровьем на первом уровне, соблазнами краткосрочного гедонизма на втором, социальным давлением и собственным конформизмом

на третьем уровне, специфическими трудностями уникальной самореализации на четвертом. Все это, собранное воедино, позволяет прокладывать аутентичный, сугубо индивидуальный жизненный путь – собственную судьбу.

Мы придерживаемся точки зрения, что индивиды не могут избежать собственного эгоизма, да им этого и не следует делать. Однако люди способны научиться совершать выбор в пользу его более «высоких», качественно иных форм, связанных с индивидуальной самореализацией, самовыражением и саморазвитием. Преобладающий у конкретного индивида уровень системы «ЭГ» стремится «организовать» для него соответствующий образ жизни и достичь соответствующую разновидность субъективного благополучия (счастья).

ЛОКС: о новом предмете психологии. Изначально мы позиционировали ЛОКС как одну из теорий эвдемонической группы в современной позитивной психологии, изучающей человеческий потенциал и его реализацию в связи с достижением счастья [7; 10]. Однако в результате проделанного сравнительного анализа достаточно быстро выявились более широкие теоретические возможности концепции [28; 32; 34; 98; 99]. Если двусистемное построение ЛОКС дает возможность «объемного» рассмотрения предмета исследования с разных точек зрения, то ее многоуровневый характер позволяет проследить, а затем сравнить «глубину» и «высоту» сопоставляемых теорий. Структурное построение нашей концепции позволяет при необходимости исследовать и гораздо более крупные объекты – такие, например, как целая страна на определенном этапе своего развития [35].

Вернемся к психологии. Именно двусистемное построение ЛОКС создает условия для сближения естественнонаучного (сциентистского) и гуманистического направлений психологии. Биологические корни эгоизма (система «ЭГ») предполагают возможность естественнонаучного подхода, в то время как уникальный человеческий потенциал (система ЛУ) представляет основу для гуманистического дискурса.

Монистические концепции, преобладающие в науке (особенно в психологии), бывают неспособны объяснить множество нюансов исследуемого явления, увидеть его с разных сторон. Так, физика не смогла бы удовлетворительно объяснить природу электрона (как частицы и как волны) вне дуалистических рамок. В психологии также накоплен большой массив данных, подтверждающий гипотезу не единой, а модульной психики, включающей в себя ряд специализированных механизмов, сложившихся в ходе эволюции [68, с. 97]. Упреки в односторонности получает и сама позитивная психология, к которой ЛОКС частично принадлежит. Как отмечают современные исследователи, дальнейшее развитие человековедения сдерживается давней философской традицией, рассматривающей психику в качестве синонима души – священной и неделимой духовной сущности, «башни из слоновой кости» [68, с. 34].

В рамках собственной концепции мы утверждаем, что назревший отказ от вышеуказанного архаического убеждения позволил бы выдвинуть понятие «эгоизм» (в его системной представленности) в качестве нового предмета психологического изучения. Нетрудно заметить, что в этом случае для исследователя сразу же открываются три больших возможности: во-первых, биологические корни эгоизма с его одновременной представленностью на индивидуально-психологическом уровне позволяют, как мы предполагаем, перейти к решению психофизиологической проблемы, которое едва ли возможно при традиционном противопоставлении души и тела; во-вторых, присутствие эгоизма на уровне социальных взаимодействий (например, феномен группового эгоизма) дает эволюционным психологам возможность осуществить свою замысел – создать научную парадигму, объединяющую биологию человека с его социальным функционированием; в-третьих, эгоизм, рассматриваемый как предрасположенность индивида в свою пользу, забота о собственных интересах, сразу же задает конкретное направление дальнейшего исследования – в отличие от аморфного и бестелесного понятия «душа» [44].

Таким образом, появляется возможность заложить фундамент психологии как эмпирической науки, имеющей определенный изначальный вектор движения, отвечающий врожденной человеческой природе. Для исследователя, разбирающегося, с одной стороны, в биологических теориях, с другой – в доктрине психологического эгоизма [105], возможность продуктивного соединения биологии с психологией и общественными науками заметна невооруженным глазом. Именно биология, по мнению Р. Триверса, способна предложить общественным наукам хорошо разработанную и экспериментально обоснованную концепцию личного интереса [75]. Кроме эгоизма мы не видим другого общего понятия (категории), способного явиться системообразующим фактором на всех уровнях общепринятой научной иерархии (биологическое – психологическое – социальное).

Разумеется, введение и широкое использование морально нагруженного термина «эгоизм» с негативными для постсоветской науки импликациями и неясно очерченными границами требует предварительной конкретизации и объяснений. С точки зрения А. Мосли, эгоизм представляет собой теорию, согласно которой, «я» индивида является или должно являться основой мотивации и целью его собственных действий [104, p. 1]. Происхождение указанного термина от «эго» («я») как нельзя лучше демонстрирует его отнесенность именно к психологии. Как отмечает З. Фрейд, «при норме для нас нет ничего более достоверного, чем чувство самого себя, собственного «Я». Это «Я» кажется нам самостоятельным, цельным, четко отграниченным от всего остального» [78, с. 10].

Мы предпочитаем определять эгоизм как врожденную предрасположенность человека в свою пользу. Последнее способно вести к сосредоточенности (фокусировке) индивида на реализации собственных интересов.

Разные уровни интересов и желаний (в том числе, на разных этапах онтогенеза) создают необходимые предпосылки для выделения разных уровней и форм эгоизма в рамках единой системы (см. рис.). Эгоизм, пишет А. Рэнд, представляет не что иное как заботу человека о своих интересах, а потому должен оцениваться положительно [70, с. 7].

Как показано в современных зарубежных работах, человеческий эгоизм является мощной биологической силой, а потому обладает защитными и мотивационными свойствами, не только побуждая индивида к деятельности, но и повышая его способность противостоять стрессам и давлению окружающей среды в процессе достижения цели. Вот что указывает в этой связи С. Д. Батсон: «Преобладающий взгляд на человека среди биологов и психологов заключается в том, что в глубине люди полностью эгоистичны» [88].

Биологические корни эгоизма (предрасположенности в свою пользу, способствующей выживанию особи) восходят к учению Ч. Дарвина: «Мое наследственное вещество есть самое важное вещество на свете. Чтобы оно могло выжить, вполне оправданно, если другие будут недоедать, страдать, а, возможно, и умирать» [69, с. 122]. По мнению Дж. Уолкера, эгоизм представляет собой главный факт органической жизни, ее универсальную характеристику [110, p. 13].

Как отмечает В. Д. Шадриков, «с точки зрения выживания, человек должен воспринимать себя как нечто гораздо более важное, чем все его окружающее. В этом источник энергии и желания защищаться от других, работать для поддержания своего существования, бороться за свою жизнь и добиваться успеха» [84, с. 257]. Таким образом, автор фиксирует защитные и мотивационные функции человеческого эгоизма.

В западной научной мысли на протяжении последних трех-четырех веков понятие «эгоизм» сделало триумфальную карьеру. Как пишет С. Холмс, разумно понятый собственный интерес каждого человека (как наименее деструктивное из всех его влечений) на заре развития капитализма противопоставлялся стихийным, иррациональным человеческим страстям, способным нарушить новый общественный порядок. Буржуазное стремление к эгалитаризму и производительному труду ради личного блага индивида способствовало высокой оценке и приданию универсального характера понятию собственного интереса. В результате «гранитная скала» эгоизма и близкого к нему индивидуализма простояла века в зарубежной науке и имела успехи (в том числе, в качестве объяснительного принципа), не сравнимые ни с какой другой теоретической моделью в политике, экономике и других науках [91, p. 286]. Так, важнейшими признаками современного «Homo Economicus» являются рационализм и действия в собственных интересах [64, с. 96].

Широко известная на Западе доктрина психологического эгоизма утверждает, что единственной конечной целью (или «первоначальной осно-

вой», что в большинстве случаев одно и то же), к которой стремится человек, является его собственный интерес. Концепция психологического эгоизма представляет, по сути, теорию человеческого поведения, делая эмпирическое заявление о его причине. Все поведение индивида (в частности) как и любого живого существа (в целом) направлено на достижение максимально хороших для него результатов. При этом под наилучшими результатами подразумевается наибольшее и максимально полное преобладание позитивных последствий над негативными в долгосрочной перспективе [92, p. 108].

Доктрина психологического эгоизма является не нормативной, а дескриптивной: она лишь описывает то, что происходит «на самом деле» и не пропагандирует этические идеалы. С точки зрения данной теории, люди такие, какие есть – они не способны к чему-либо другому, кроме как ставить собственные интересы во главу угла и поступать соответственно. Из понятия «эгоизм» вытекают *все психологические законы*, человеческие действия, а также их последствия. Поэтому данный вид эгоизма и называется в зарубежной науке психологическим.

Вышеуказанные преимущества понятия «эгоизм» как нового возможного предмета психологии сохраняются и при сопоставлении с более современными (хотя и не более ясными) терминами, такими как «психика», «психическая деятельность» и т. д. Первичная мотивация индивида, его личностное своеобразие, способности и потребности, направленность, стремление к реализации собственных интересов, выбираемые психологические защиты, наконец, принцип активности – все это и многое другое естественным образом воплощено в системе «Эгоизм» в ЛОКС.

Глобальная претензия, лежащая в основе представления о единой природе первичной человеческой мотивации, ставит доктрину психологического эгоизма в потенциально уязвимое положение: *единственное* исключение, которое невозможно будет оспорить, способно обрушить всю конструкцию. Тем не менее, до настоящего времени основные аргументы оппонентов конечной эгоистической мотивации так или иначе оспариваются [89; 105]. Последнее, с нашей точки зрения, наилучшим образом доказывает силу доктрины психологического эгоизма. Если за много лет ни один выпущенный «снаряд» не смог уничтожить (или хотя бы повредить) неподвижную цель, значит, сама цель обладает удивительной прочностью.

ЛОКС: этапы развития индивида. Еще одна большая возможность, которую позволяет реализовать ЛОКС, касается психологии развития. Каждый уровень нашей теории может быть представлен и исследован как этап человеческой жизни. В частности, в концепции можно увидеть воплощение ряда важных идей, разрабатывавшихся Я.А. Пономаревым (ЭУС – этапы, уровни, ступени), согласно которым, жизненные этапы субъекта запечатлеваются в качестве структурных уровней системной организации [41]. Достижение нового уровня развития (предполагающее подъем на следующую ступень), связанное с определенным изменением основных «жизненных

правил», предполагает успешное прохождение (завершение в общем и целом) предшествовавшего этапа. При этом основные функции системы на каждом уровне отражают задачи субъекта на соответствующем жизненном этапе.

Качественно новый уровень (подъем на очередную ступень) основывается на результатах, достигнутых на предыдущем этапе. Так, например, второй уровень основан на использовании юным индивидом предпосылок самореализации, полученных организмом на первом (внутриутробном) этапе – «БиоЭг» в системе «ЭГ» и «У» в системе «ЛУ». Личность, в основном складывающаяся к концу второго-началу третьего этапа (22-25 лет), знаменует подъем на третий уровень и соответствующую ему социальную реализацию – в том числе, в связи с окончанием к указанному возрасту высшего учебного заведения и началом трудовой деятельности (индивид переходит от пассивного усвоения знаний к активной профессиональной деятельности, выполнению «долга перед обществом»). Наконец, предпосылки для перехода на четвертый уровень (индивидуальности) могут сложиться к окончанию третьего этапа – 45-50 годам, когда возможности «социальной» реализации в избранной активности могут достичь своего потолка, зачастую сменяясь управленческими (не свойственными индивиду изначально) функциями. Тогда к «созревшей» ЛУ способен присоединиться «Высший» ЭГ, рассматривающий ее дальнейшее развитие и реализацию в качестве главного жизненного предназначения [60]. В нашей концепции мы делаем упор на достижении именно четвертой стадии, связанной с реализацией индивидуального (от слова «индивидуальность») потенциала – высшего уровня развития жизненного потенциала субъекта.

Таким образом, согласно ЛОКС, каждый из жизненных этапов индивида (за исключением первого, внутриутробного) длится примерно 23-25 лет. Окончание четвертого этапа (в возрасте 70-75 лет) знаменует прохождение стадии высших достижений и (в оптимальном варианте) приход *мудрости* [42].

Трансформации, происходящие от уровня к уровню в системе «ЭГ», отражают формулируемый М. Фуко постулат духовности (в связи с античным принципом «заботы о себе»), согласно которому, истина никогда не дается человеку «просто так». Необходимо, чтобы субъект с целью ее достижения менялся, преобразовывался, становился отличным от самого себя – до тех пор, пока он не научится распознавать истину в себе самом [80]. В «заботе о себе» субъект перерабатывает ценности культуры таким образом, чтобы построить свою личную программу и найти подлинный смысл собственного существования. Нетрудно убедиться, что в рамках нашей концепции речь в первую очередь идет о Личностной Уникальности, для «заботы» о которой и необходима система «ЭГ».

Разумеется, исследование закономерностей онтогенеза через призму обеих систем ЛОКС касается одаренных индивидов, обладающих врожденным внутренним потенциалом (ЛУ) и стремящихся к его реализации. Для

всех же остальных достаточно первых трех уровней системы «Эгоизм», олицетворяющих общие характеристики развития «среднестатистического» человека.

ЛОКС как универсальная теория личности: ядро и периферия. Согласно С. Мадди, ядро личности представляет структуры, определяющие общие и глубокие характеристики для всех людей, в то время как периферия определяет (более поверхностные) различия между ними [63].

Поскольку необходимый для выживания эгоизм является врожденным для всех индивидов, первые три уровня одноименной системы в основном принадлежат ядру (чем ниже уровень, тем «глубже» слой). Однако в какой-то момент на внешней границе ядра возникает новообразование – «Высший» Эгоизм, который переориентируется на взаимодействие с периферией. Там (у некоторых людей) располагается Личностная Уникальность, с которой ЭГ-4 вступает в контакт во имя ее развития и реализации.

Таким образом, у одаренного и настроенного на самореализацию индивида в системе «Эгоизм» на определенном этапе происходит своего рода «двойная мутация». Во-первых, «Высший» Эгоизм в значительной степени порывает с системой, в рамках которой он был создан, переориентируясь на задачи, актуальные для другой системы (ЛУ). Во-вторых, ЭГ-4 существенно ослабляет связь с тем, что объединяет индивида с остальным человечеством – традиционным гедонизмом, приоритетом материальных ценностей (второй уровень) и постоянной заботой о поддержании более-менее гладких отношений с окружающими (третий уровень).

Почему же происходит подобный поворот? Во-первых, потому, что в современных условиях потребности ядра более-менее удовлетворены и не представляют проблемы для своего «носителя». Во-вторых, ядро, представляя общие для всех людей свойства, не способно к дальнейшему развитию, а потому повторяемо и предсказуемо (сулит скуку). В-третьих, периферия по контрасту с ядром как бы намекает на новые, скрытые ранее возможности, которые к тому же являются неповторимыми, а, значит, обещают индивиду возможность отыскания *собственного* жизненного пути, характеризующегося уникальным саморазвитием, чувством смысла и своей «особенности».

Более-менее «обеспечив» свое ядро (основные витальные и социальные потребности), современный человек способен объявить самой важной частью периферию, определяющую его «уникальность», «эксклюзивность», непохожесть на других и начать «играть» с ней, заниматься ее развитием, конструировать уникальный смысл собственной жизни. Разумеется, принципиально новый продукт также может быть создан лишь с помощью творческой периферии.

Если предположить, что далеко не каждый человек получает при рождении «дар природы» (зачатки уникального внутреннего потенциала), значит, с точки зрения ЛОКС, существование такого индивида определяется

лишь системой «Эгоизм». «Базовый» Эгоизм индивида в процессе социализации и инкультурации постепенно дополняется «Разумным» Эгоизмом личности как совокупности общественных отношений. Собственно говоря, существование абсолютного большинства взрослого населения в рамках ЛОКС может быть описано как колебание между вторым (связанным с удовлетворением двух основных инстинктов и получением «фундаментальных» удовольствий) и третьим (социальным) уровнями системы «ЭГ». Для материалистически ориентированного, «среднестатистического» взрослого человека вторая система нашей концепции пока малоактуальна.

Теперь заново проследим всю последовательность компонентов ЛОКС от глубин ядра до периферии. «Биологический» Эгоизм в своей основной функции объединяет человека со всеми живыми существами. «Базовый» Эгоизм объединяет человека с высшими животными и всем человечеством, включая его «нецивилизованную» часть. «Разумный» Эгоизм объединяет индивида со всеми людьми, разделяющими ценности современной культуры. «Высший» Эгоизм, сохраняя необходимо-достаточные возможности нижележащих уровней, объединяет индивида с теми немногими, кто также настроен на самореализацию, а, кроме того, позволяет вступить в контакт со своей Личностной Уникальностью. Последняя же, трактуемая в качестве идеальной, «божественной» части, объединяет индивида с «лучшим собой», а также с гипотетической «высшей силой».

При рассмотренном выше подходе происходит еще одно важное, во многом парадоксальное событие: понятие «Эгоизм», сохраняя свою «первичную» природу, утрачивает характеристику «конечной ценности». Теперь эгоизм становится «инструментальным» – ровно потому, что отныне служит не самому себе, а развитию и реализации ЛУ, приобретающей статус *конечной* жизненной ценности. Как результат, ядро личности в понимании С. Мадди отныне оказывается на службе у периферии, определяющей человеческую особенность и уникальность.

Психология личности: примеры сравнительного анализа. ЛОКС способна не только выступать в качестве полноценной теории личности, но и легко обнаруживает недоработки в других концепциях. Приведем примеры использования категориального аппарата ЛОКС в сравнительном анализе наиболее известных теорий личности. Начнем с З. Фрейда и К. Юнга.

В своей классической форме психоанализ подчеркивает роль преимущественно бессознательных влечений (Ид), имеющих биологическое происхождение, общее у человека и животных [77]. Юнгианская же теория обращает особое внимание на концепт «Самость», представляющей неосознаваемый центр человеческой психики, ее «внутреннее сокровище» [87].

Понятие «Эго», являющееся средоточием сознательной жизни человека, существует в теориях и К. Юнга и З. Фрейда, однако имеет различное происхождение. Если в концепции З. Фрейда «человеческое» и «рациональное» Эго развивается из «животного» Ид, то в теории К. Юнга Эго отделяется от Самости – лучшей, «идеальной» части личности.

В обеих теориях Эго имеет немало сходных функций: оно предназначено для повседневной жизни в условиях социума, успешной адаптации индивида, решения разнообразных повседневных проблем. Как же получается, что у совершенно разных «родителей» (Ид З. Фрейда и Самости К. Юнга) появляется практически одинаковый «ребенок» (Эго)?..

Более пристальный взгляд на второй и третий уровни системы «ЭГ» в ЛОКС позволяет заметить её определённый изоморфизм психоаналитической теории, но в более мягком варианте. В самом деле, ЭГ-2 («Базовый» Эгоизм) может рассматриваться как некий аналог фрейдовского Ид с его первичными влечениями и преобладанием «принципа наслаждения». Вспомним замечание З. Фрейда о том, что стремление индивида к счастью и удовольствию является *эгоистическим* по сути [78, с.120].

«Разумный» Эгоизм (ЭГ-3) в ЛОКС постепенно развивается из «Базового» ЭГ-2 примерно так же, как Эго из Ид. Процесс социализации (инкультурации) в своем «стандартно-усредненном» варианте предполагает, что ЭГ-2 доводят до ЭГ-3, дабы избежать возможного регресса индивида в тотальный гедонизм либо примитивную агрессию.

Однако в концепции З. Фрейда отсутствуют какие-либо представления о «личностном потенциале» субъекта. Любая творческая активность в психоанализе истолковывается как действие защитного механизма сублимации [54], а попытки объяснить врождённую одарённость индивида не предпринимаются. Для З. Фрейда творческая самореализация – скорее «отклонение», чем «вершина». Впрочем, и сама теория психоанализа в большей степени нацелена на выявление и описание патологий, нежели здорового развития.

В психоанализе из «Животного» (Ид) развивается «Разумное» (Эго), из которого в свою очередь возникает «Совесть» (Суперэго). Далее «Разумное» пытается сбалансировать антагонистические требования «Животного» и «Совести», достичь компромисса между ними. Даже при сублимации энергия либидо перенаправляется на более «высокую» цель, будучи движима по сути негативной мотивацией – стремлением избежать социальных санкций в случае открытого проявления бессознательных драйвов. В ЛОКС же энергия более высоких уровней системы «ЭГ» постепенно перенаправляется с общественной самореализации на то лучшее (и высшее), что уже содержится в психике индивида. Речь в последнем случае идет, разумеется, о позитивной мотивации, направленной на достижение счастья и успеха.

Теперь отметим важные отличия между нашей концепцией и теорией личности К. Юнга. Согласно последнему, спрятанная в глубинах личности Самость (аналог ЛУ в рамках ЛОКС) «дает жизнь» сознательному Эго (концепт, близкий к РЭГ в ЛОКС). В процессе жизни между «Высшим» (Самостью) и «Разумным» (Эго) существуют отношения взаимоподдержки – так называемый «мост Эго – Самость» [73].

Эго, являясь порождением и частью Самости, принимает её авторитет, но при этом сохраняет свои отличительные особенности. Изначально Эго

было слито с Самостью [73, с.261], поэтому для полного развития субъекту нужно совершить процесс индивидуации: Эго должно как бы «вернуться» к Самости и «познать» её, «слиться» с ней, взять все её возможности.

Ввиду постулируемой К. Юнгом глубинной однородности двух конструктов индивидуация должна быть естественным и сравнительно легким процессом. Однако зададимся вопросом: если Эго возникает из Самости и взаимодействует с ней на протяжении всей человеческой жизни, почему столь малое число людей (что отмечает и сам К. Юнг) успешно проходят индивидуацию, в процессе которой Эго должно «вернуться» к Самости? Ведь Эго, как уже говорилось, является «гомогенным отпрыском» Самости, не утрачивающим с ней контакта.

Возникает и другой вопрос: если Самость была изначально достаточно сильна для того, чтобы породить Эго, почему акцент на ней делается лишь во второй половине жизни? Ведь после длительного «отдаления» Эго от Самости связи между ними неизбежно должны были ослабнуть (от времени и от изменения природы Эго под влиянием окружающего мира). С этой точки зрения, юнговский акцент на индивидуации в более зрелом возрасте выглядит не совсем логичным.

В ЛОКС, как и в концепции З. Фрейда, «Животное» (аналог «Базового» ЭГ в ЛОКС) порождает «Разумное» (РЭГ), и это кажется более обоснованным с научной точки зрения, поскольку соответствует, помимо прочего, общим закономерностям эволюционного развития.

В рамках ЛОКС «Разумное» (ЭГ-3) эволюционирует в «Высшее» (ЭГ-4), после чего в благоприятном случае входит в контакт с «Идеальным» (ЛУ), чтобы помочь в его реализации. Личностная Уникальность, очевидно, близка к юнговской Самости, однако последняя так и остаётся в глубинах психики. В то время как в ЛОКС, ЛУ с помощью высшего уровня системы «ЭГ» выходит во внешний мир, где и реализуется. «ЭГ» не является «отпрыском» ЛУ, поскольку принадлежит другой системе. Актуализация ЛУ для «Высшего» ЭГ – вопрос поворота к истинным, духовным ценностям, что переживается субъектом как экзистенциальный выбор. ЭГ на высшем уровне своего развития должен услышать «сигналы» ЛУ и переориентироваться на служение Личностной Уникальности, а потом своими защитными, интеллектуальными и мотивационными свойствами способствовать её успешному воплощению во внешнем мире. Субъект реализует свой индивидуальный потенциал и достигает «счастья».

Признание разного происхождения систем «ЭГ» и «ЛУ» и вытекающая из этого гетерономия позволяют гораздо проще объяснить трудности самореализации, возникающие в рамках теорий К. Юнга и современных гуманистов. В самом деле, ЭГ должен не только расслышать «сигналы», исходящие от ЛУ (изначально не являющиеся для него «изоморфными»), но, отказавшись от своей материалистической направленности, переориентироваться

на служение «высшему идеалу», его реализацию и защиту, что с необходимостью предполагает развитие к высшему (четвертому) уровню самой системы «ЭГ».

Личностная Уникальность человека (подобная юнговской Самости) существует, таким образом, не как «необходимость», а как «высшая возможность». Однако её сигналы с годами могут усиливаться, пока реализация ЛУ не превратится для ЭГ в «высшую необходимость», осуществление которой, в свою очередь, откроет новые, более высокие возможности развития.

Соотношение обсуждаемых понятий может быть представлено в виде последовательности нескольких теорий. С точки зрения восточных религий, индивидуальное Эго отсутствует или находится внутри Самости. В теории К. Юнга Эго отделено от Самости, хотя и порождается ею. В психоанализе З. Фрейда понятие «Самость» отсутствует, в то время как Эго имеет биологические корни.

В Личностно-ориентированной концепции счастья «Разумный» Эгоизм (аналог Эго) и Личностная Уникальность (аналог Самости) имеют разное происхождение, представляя две многоуровневые системы. Бессознательный, врожденный ЭГ в итоге трансформируется в сознательный РЭГ, а затем и «Высший ЭГ», который спустя некоторое время снова «погружается» в бессознательное, правда, в его другую, «творческую» часть, где и входит в контакт с ЛУ.

В отличие от психоаналитической теории, Личностная Уникальность все же присутствует в ЛОКС в качестве «идеальной возможности», но ее обнаружение и реализация требуют серьезной работы со стороны субъекта. Поэтому ЛОКС не столь «пессимистична» относительно человеческой природы как теория Фрейда (поскольку «идеальная» ЛУ *существует*), однако не предсказывает легкого и естественного пути реализации индивидуального потенциала во внешнем мире – в основном, из-за различного происхождения систем «ЭГ» и «ЛУ».

Используя терминологию Р. Лазаруса [97], можно утверждать, что концепция З. Фрейда имеет «корни» или «ноги» (Ид), но у нее отсутствуют ясно выраженные «крылья» (очевидно, Суперэго или «совесть» к ним не относится). Теория К. Юнга имеет «крылья» (Самость), но обращает мало внимания на биологические «корни». Наша концепция обладает биологическими «корнями» (первый уровень), «ногами» (второй и третий уровни), а также «крыльями» (четвертый уровень). С одной стороны, ЛОКС символически «соединяет» теории старых друзей-соперников, а, с другой – превосходит каждую из них. Она «выше» психоанализа [54], поскольку содержит в себе возможность трансценденции, а также реализации уникального потенциала и «глубже» концепции К. Юнга, поскольку включает в себя биологические основы психики. В ЛОКС «идеальная» часть (ЛУ) не отсутствует как в психоанализе, но и не является «инициирующей», центральной, как в юнгианстве.

Как видим, структура ЛОКС, подразумевающая разное происхождение систем «ЛУ» и «ЭГ», позволяет лучше объяснить не только имеющиеся эмпирические данные, но и некоторые ключевые моменты самих теорий в силу, как нам представляется, их «односистемного» построения. С нашей точки зрения, подобный синтезирующий подход более адекватен ещё и потому, что в современных исследованиях бессознательного накоплено немало данных, подтверждающих наличие в нем как «первичных» влечений так и потенциально «творческих» компонентов.

Итак, двусистемная ЛОКС, предоставляя площадку для перехода от теории З. Фрейда к индивидуации К. Юнга и обратно, является своего рода интегратором обеих концепций, поскольку сочетает в себе «необходимости» первой и «возможности» второй [99].

Теперь с помощью двусистемной ЛОКС выявим недоработки гуманистической теории самоактуализации. В последние годы жизни у А. Маслоу накопились данные, ставящие под вопрос основные положения его теории. Наблюдая за своими студентами, удовлетворившими все нижележащие потребности, А. Маслоу обнаружил нежелание большинства из них переходить к высшей стадии – самоактуализации, которая, согласно его концепции, должна была наступить в этом случае автоматически. Из трех тысяч проинтервьюированных студентов последнего курса А. Маслоу сумел найти лишь одного человека, удовлетворявшего всем критериям самоактуализации [79, с. 407]. Неожиданно оказалось, что благоприятные внешние условия в сочетании с удовлетворенными потребностями не являются достаточным фактором для перехода индивида к последней ступени развития.

Почему же масловские студенты, удовлетворив все необходимые для перехода к самоактуализации потребности, все же прекратили движение к ней? Согласно предположениям А. Маслоу, ответ кроется в «метапатологии», под которой ученый понимает нарушения в структуре ценностей своих подопечных. Окружающий мир кажется таким людям слишком непривлекательным, дисгармоничным (дословно – «shambles», по-русски «кавардак»), а это порождает пессимизм, цинизм и беспомощность [90, p. 139].

С нашей точки зрения, туманные отговорки студентов А. Маслоу породили не менее туманные объяснения их руководителя. Проанализируем приведенный фрагмент с помощью двусистемной ЛОКС. В идеологии концепции заложен постулат о признании индивидом своего внутреннего потенциала (определяемого системой «Личностная Уникальность») в качестве *наивысшей ценности* собственной жизни, реализация которой с помощью системы «ЭГ» приносит и наивысшее счастье. Таким образом, метапатология немедленно теряет свою актуальность в случае успешного взаимодействия высшего уровня обеих систем ЛОКС.

Указанный подход естественным образом «избавляет» индивида и от нежелания реализовывать свой потенциал в «дисгармоничном» внешнем мире: какой бы «плохой» или «хорошей» ни была окружающая среда, субъ-

ект актуализируется в ней, в первую очередь, ради себя и своего (достигаемого при этом) счастья. Данное утверждение еще раз подчеркивает роль эгоизма (индивидуализма на высшей стадии своего развития), представленного в виде второй системы ЛОКС. Проще говоря, одаренному человеку следует прекратить попытки получить всеобщее признание и «осчастливить мир»; он должен понять, что его главная задача – реализовать свой потенциал (в первую очередь, для себя же) и тем самым сделать собственную жизнь счастливее. В этом случае польза (немедленная или будущая), получаемая социумом от индивидуальной самоактуализации, выступает лишь побочным (сопутствующим) продуктом активности субъекта.

Окружающий мир может «нравиться» самореализующемуся индивиду или «не нравиться»: главное, чтобы ему всегда «нравилась» собственная ЛУ и процесс ее реализации (в меняющихся внешних условиях). Внутренний потенциал реализуется «для себя», для собственной качественной жизни (счастья), а затем уже для «всех остальных». Следует также понимать, что социум имеет полное право негативно отнестись к индивидуальной самореализации потому, что последняя способна поколебать общественную стабильность.

Дисгармоничный (пусть даже «бессмысленный») внешний мир не является противопоказанием для самоактуализации, поскольку он рассматривается лишь как более-менее оборудованная «игровая площадка», выступая на которой, индивид не только совершенствуется, но и знакомит социум с «лучшей» частью себя. Если бы масловские студенты прекратили перечислять недостатки социума, снимая с себя ответственность за проявленную лень и нерешительность, а вместо этого сосредоточились на своих сильных сторонах, они сделали бы первый шаг в правильном направлении. Отказ студентов от перехода к самоактуализации якобы вследствие дисгармоний внешнего мира выглядит недостаточно аргументированным еще и потому, что этот самый дисгармоничный мир, как ни странно, позволил им успешно удовлетворить все нижележащие потребности.

Расставив ценности по своим местам, перейдем к проблеме напряженного труда, необходимого для успешной самоактуализации. Мы полностью согласны с А. Маслоу относительно важности для индивида собственного «жизненного проекта» и серьезной работы (борьбы) по его воплощению в жизнь [66, с. 137]. Собственно говоря, необходимость приложения постоянных усилий и является одним из ответов на вопрос об отсутствии перехода человека к самоактуализации. Указанный труд не может быть легким – как минимум, по двум причинам. Во-первых, он сложен, поскольку является «нестандартным», высокоиндивидуализированным, соответствующим Личностной Уникальности субъекта, которая неповторима по определению. Ведь по мере развития своего потенциала индивид постепенно вступает на абсолютно неизведанную территорию, продвижение по которой требует решения уникальных, а потому сложных задач. Во-вторых, такой самоактуа-

лизирующийся человек, несколько отдаляясь от социума (виртуально «поднимаясь» над ним в рамках нашей модели), неизбежно утрачивает «общественную» поддержку собственных начинаний. Необходимость полагаться исключительно на свой внутренний потенциал (ЛУ), верить в свои силы и не бояться идти вперед требует развития высшего уровня системы «ЭГ» (зрелого индивидуализма). Как видим, оба главных компонента ЛОКС (наличие внутренних возможностей и стремление субъекта к их актуализации) оказываются востребованными.

Существуют и другие объяснения обсуждаемого феномена, выдвигаемые именно благодаря двусистемному построению ЛОКС. Напомним, что А. Маслоу нигде развернуто не пишет о природе внутреннего потенциала, подлежащего актуализации. Тривиальные слова о поэте, который должен сочинять стихи, и музыканте, который должен играть на инструменте [65; с. 57], ничего кардинально не меняют, поскольку речь идет о людях, уже обнаруживших свой талант. ЛОКС же обращает внимание как на природу внутреннего (не всегда изначально очевидного) потенциала (система «ЛУ»), воплощаемого в специфической активности, так и на стремление индивида к реализации этого потенциала (система «ЭГ», особенно ее высший уровень).

С нашей точки зрения, большинство «камней преткновения» теории самоактуализации связано именно с ее монистической природой. И в самом деле: все нижележащие уровни иерархии потребностей хорошо соответствуют первому-третьему уровням *одной* системы – «Эгоизм». Однако высший уровень теории А. Маслоу при всем желании не может быть объяснен в рамках одного понятия, поскольку в игру вступает внутренний потенциал человека, не требовавшийся для прохождения нижележащих ступеней масловской иерархии, *с ним не связанных*. Теперь становится необходимым уже дуалистический подход, требующий привлечения (в рамках ЛОКС) второй системы – «ЛУ» – в качестве аналога внутреннего «содержательного» потенциала, подлежащего актуализации. Иначе проблема самоактуализации не может быть (и не была) удовлетворительно решена классиком гуманистической психологии [55].

Удивительно наблюдать, как известные исследователи научного творчества А. Маслоу находились буквально в шаге от выявления основного недостатка его концепции, однако так и не сделали этот последний шаг. Например, С. Мадди пишет о наличии лишь одной мощной силы в модели самореализации. При этом содержанием данной мощной силы объявляется «врожденный потенциал человека», *а также* «непреклонное стремление реализовать его в ощутимой форме» [63, с. 309]. Возникает вопрос: неужели С. Мадди не заметил, как на самом деле разглядел и обозначил два совершенно разных компонента, присутствующих в якобы «одной мощной силе»? Даже если временно согласиться с А. Маслоу о непременном нали-

чии у каждого человека уникального врожденного потенциала (что противоречит эмпирике), следует признать, что далеко не каждый имеет «непреклонное стремление» к реализации данного потенциала.

С помощью ЛОКС можно лишь утверждать, что каждый индивид действительно имеет врожденное *стремление* (определяемое системой «ЭГ»), сила которого разнится. При этом *некоторые* люди также имеют врожденный потенциал («У»). Соединение обоих компонентов, а также их развитие (общая последовательность которого представлена уровнями ЛОКС) значительно повышает вероятность успешной самореализации. Для тех же, кто не обладает врожденным потенциалом, имеющееся «стремление» и труд позволят достичь определенного (как правило, не слишком высокого) уровня в той или иной деятельности.

Построение масловской теории в категориях «двойственности» (подобно ЛОКС) позволило бы ее создателю гораздо проще и убедительнее объяснить малый процент наблюдаемых случаев самоактуализации, не сводя затруднения к неблагоприятной внешней среде либо таинственной метапатологии. Если врожденный потенциал («талант») присущ не каждому индивиду (изначально ЛУ относится к периферии личности, а не к ее ядру), и, к тому же, не каждый обладатель потенциала стремится к его актуализации, значит, процесс успешного самовоплощения следует трактовать в большей мере как «роскошь» и определенную «экзотику», нежели как всеобщее правило. Кроме того, допущение двух сил в модель самореализации предполагает не только сотрудничество, но и возможность конфликта между ними (например, между «Базовым» ЭГ и ЛУ в рамках ЛОКС), также негативно влияющего на результат самоактуализации.

ЛОКС позволяет объяснить отсутствие самоактуализации даже в том случае, когда взрослый индивид имеет врожденные компоненты, определяемые обеими ее системами. Для осуществления успешного взаимодействия между двумя силами (в целях самореализации) одна из них (ЭГ) изменяется таким образом, что на высшей стадии своего развития создает новую форму – ЭГ-4 – которая становится «посредником» в организации сотрудничества между ЭГ и ЛУ. Эгоизм четвертого уровня способен в наилучшей степени установить контакт с «идеальной» ЛУ, поскольку являет собой *высшую* форму системы «ЭГ». И в то же время ЭГ-4 по-прежнему остается *эгоизмом*, имеющим возможность использовать мощные ресурсы нижележащих уровней собственной системы в отныне приоритетных целях реализации Личностной Уникальности.

Проблема заключается в том, что «Высший» Эгоизм формируется на последней стадии развития системы, поэтому ассоциируется с достаточно зрелым возрастом. До наступления последнего, нижележащие уровни системы «ЭГ» могут, теоретически говоря, препятствовать проявлениям ЛУ, использовать ее неверным образом (проблема «злого гения»), либо вообще не распознать как таковую. Отсутствие ЭГ-4, неспособного «позаботиться»

об уникальном внутреннем потенциале в более широком жизненном контексте, способно, помимо прочего, породить состояние «горя от ума» у одаренного человека.

Отмечаемые С. Мадди «разрывы» и некоторая «эклектика», присутствующие в теории А. Маслоу [63, с. 81], как раз и могли быть полностью объяснены благодаря использованию двусистемного построения гуманистической концепции. Совершенно очевидно, что между двумя большими силами, даже взаимодействующими, *не может не быть* определенных «зазоров» и «разрывов».

Те сомнительные места, которые критикам удается отыскивать в исследуемых теориях личности кропотливым трудом, почти сразу становятся очевидными после «наложения» двусистемной конструкции ЛОКС в качестве «трафарета» на ту или иную модель. Так, одним из следствий проделанной нами работы является вывод об отсутствии прямой связи между уровнем самоактуализации и нижележащими уровнями иерархии потребностей А. Маслоу вследствие того, что самоактуализация является более сложным феноменом: она состоит не только из «потребностей» (представленных системой «ЭГ» в ЛОКС), но и «способностей» (система «ЛУ»). Другими словами, на вершину пирамиды потребностей водружен объект иной, «сложносоставной» природы, что и объясняет многие трудности теории самоактуализации [55].

В свете вышесказанного, отказ масловских студентов от перехода к самоактуализации может быть объяснен и банальным отсутствием у них «внутреннего зова» – ощущения собственного уникального потенциала, подлежащего актуализации и определяющего их жизненное предназначение. Иными словами – «пустотой» в системе «ЛУ», на возможность которой А. Маслоу не обратил внимания.

Успешная самоактуализация в рамках ЛОКС предполагает не только «созревшую» Личностную Уникальность, но и высший уровень развития системы «Эгоизм» (зрелый индивидуализм). Отсутствие последнего означает неумение индивида побуждать себя к ежедневному напряженному труду, демонстрировать жизнестойкость в преодолении возникающих препятствий. Речь, в первую очередь, идет о защитно-мотивационных функциях эгоизма, при отсутствии которых одаренный человек не умеет правильно «обращаться с собой» и зачастую остается нереализованным талантом. Введенный А. Маслоу термин «метамотивация» в рамках ЛОКС структурно соответствует «Высшему» Эгоизму четвертого уровня одноименной системы: «мета» соответствует понятию «высший», в то время как «мотивация» признается важнейшей функцией эгоизма как такового.

Разумеется, недостаточно развитыми могут оказаться и обе системы, составляющие нашу концепцию. Поэтому ЛОКС в отличие от гуманистической психологии лучше объясняет небольшой процент (менее одного, согласно А. Маслоу) успешных актуализаторов: умножение неполных вероят-

ностей (для обеих систем) просто не может дать высокий итоговый результат. Тем не менее, именно поэтому мы парадоксальным образом делаем и противоположное предположение – о том, что число потенциальных «самоактуализаторов» гораздо выше видимой части процента. Согласно двусистемной ЛОКС, существуют люди с большим внутренним потенциалом (талантом, ЛУ), но несформированной системой «ЭГ», которые первоначально нуждаются во внешней поддержке. Число таких взрослых индивидов по нашим приблизительным оценкам, основанным на статистике проведения «Эвдемонического Тренинга» [8] и последующем наблюдении, составляет около десяти процентов. Как видим, цифры далеки не только от ста процентов людей, якобы наделенных уникальным природным потенциалом, но и от менее чем одного процента реально наблюдаемых актуализаторов.

«Гуманная», на первый взгляд, точка зрения о наделенности каждого индивида уникальным «природным даром» имеет свои, отнюдь не гуманные следствия. Индивид может потратить много сил и времени, чтобы «найти себя», однако в результате остаться ни с чем. Эмоционально нестабильное существование между новыми надеждами и очередным крушением иллюзий не кажется разумным выбором. Те, кто сеет у окружающих неоправданные ожидания, отталкиваясь от эмпирически неподтверждаемых постулатов, должны быть готовы нести личную ответственность за неизбежные последующие разочарования своих подопечных.

И наоборот, эмпирически подтверждаемая точка зрения о неравенстве или даже полном отсутствии у большинства врожденного потенциала (в его, повторяем, уникальном качестве) не так уж «негуманна». Если индивид не «нашел себя» в течение ряда попыток, для него будет более разумным примкнуть к «большинству» и выполнять общепринятые роли и функции (третий уровень системы «ЭГ» в ЛОКС), поддерживая тем самым социальную стабильность.

Аналогичный анализ с получением новых важных выводов был проведен нами в отношении теорий Аристотеля [18], Платона [21; 53], А. Шопенгауэра [15], К. Маркса [56], Л.С. Выготского [17] и других ученых. Мы также сравнили постулаты ЛОКС с основными положениями ведущих мировых религий, выявляя идейное сходство и/или существенные различия в каждом конкретном случае [23; 38].

Таким образом, двусистемная и многоуровневая Личностно-ориентированная концепция счастья позволяет удачно синтезировать различные теории, существующие в современной психологии личности. ЛОКС не только может осуществлять сравнительный анализ общеизвестных психологических концепций, выявляя их особенности и недоработки, но и сама способна выступать в роли интегративной теории личности [46; 47].

Индивидуальность как высшая форма развития личности. Как отмечалось выше, четвертый уровень ЛОКС соответствует понятию «индивидуальность». В одной из коллективных монографий К.А. Абульханова анализирует две основных трактовки индивидуальности. Первая трактовка,

раскрывая неповторимость и уникальность личности через анализ ее деятельностей и отношений, предполагает, что индивидуальностью обладает и является *каждая* личность [1, с. 25]. Во второй трактовке, которой, в частности, придерживались Б.Г. Ананьев и С.Л. Рубинштейн, индивидуальностью является личность, достигшая *высшего* уровня развития. Тем самым признается, что не каждая личность становится (либо в принципе способна стать) индивидуальностью.

Как отмечает К.А. Абульханова, вторая трактовка является проблемной, поскольку не определены *критерии* указанного высшего уровня. Кроме того, обсуждение темы совершенства личности, отвечающего универсальным, общечеловеческим критериям (духовности, нравственности, культуры) создает трудности в соотнесении обоих подходов.

Разрешить указанные противоречия мы постараемся в рамках собственной теоретической модели. Как видно из рисунка, социальный («общечеловеческий») уровень находится ниже, чем уровень индивидуальности. Это отражает, во-первых, стандартные определения личности как продукта *общественных* отношений, а, во-вторых, столь же стандартные трактовки *индивидуализма* как понятия, подчеркивающего не только человеческую неординарность, но и приоритет интересов индивида по отношению к интересам социума [111].

Социальный (третий) уровень нашей концепции при всем желании *не может* выдвигать критерии индивидуальности просто потому, что не является «вершинным». Социум способен быть «судьей» личности, но не индивидуальности. Общество не может в полной мере оценить индивидуальность как раз потому, что последняя в своем развитии уже вышла за его усредняющие пределы. Становление индивидуальности соответственно предполагает оперирование сугубо *индивидуальными* способами дальнейшего самоосуществления. Предшествующий социальный уровень является для этого *основой* – необходимой, хотя далеко не достаточной. Проще говоря, согласно нашей концепции, невозможно стать индивидуальностью, не «побывав» ранее личностью, однако успешное формирование личности отнюдь не гарантирует последующее становление индивидуальности.

Как видно из рисунка, построение ЛОКС скорее поддерживает вторую трактовку понятия «индивидуальность» (как высшей формы развития личности). В этом случае нас снова ждет вопрос К.А. Абульхановой о критериях становления данного понятия. В настоящее время мы могли бы сослаться на собственные опросники («ЗУЛУРЭГ», «ЭЛУ», «ЭЛУ Плюс»), позволяющие успешно диагностировать выраженность *всех* уровней нашей концепции [5; 8; 59]. Напомним, что индивидуальность и ее потенциал в рамках ЛОКС определяются взаимодействием четвертого, высшего уровня, который достигают в своем развитии системы «ЭГ» и «ЛУ».

Для лучшего обоснования ответа обратимся к зарубежным исследованиям эвдемонии, поскольку эвдемоническая личность, как и предпринимаемая ею активность, во многом соответствуют современным представлениям об индивидуальности.

Говоря о трех основных критериях эвдемонии, исследователи отмечают: реализацию уникального внутреннего потенциала, осмысленную жизнь и полное функционирование субъекта [106]. Активность имеет преимущественно *автономный* характер, определяется значительным преобладанием *внутренней мотивации* над внешней и тем самым в наибольшей степени показывает актору, кто он такой на самом деле, его жизненное предназначение [112].

Выделяются и другие критерии, которые могут быть в полной мере применены к понятию индивидуальность. Так, высокий уровень сложности заданий (близкий к предельному по отношению к умениям субъекта), способствует достижению потоковых состояний, умножающих «психологический капитал» и ведущих к дальнейшему самосовершенствованию [71; 83]. Самостоятельно поставленные долговременные цели во многом определяют образ жизни человека [108].

Если синтезировать вышеуказанные критерии, то выясняется, что один из ключевых или даже *главный* признак становления индивидуальности заключается в осуществлении собственного, ни на что не похожего «жизненного проекта». Как пишет В.А. Татенко, неподражаемость является первым критерием и признаком индивидуальности [74, с. 100]. Речь не идет о (социально заданных) стандартах успешности, поскольку индивида привлекает сам *процесс* подобного существования (и внутренней правоты от своей *настоящей,* аутентичной жизни и самосовершенствования). Равным образом речь не идет и о приоритетной «пользе для общества», поскольку достижение социально значимых продуктов деятельности не гарантировано. При этом номинально индивид остается законопослушным членом социума, хотя и не проявляет большого интереса к принятым в нем ритуалам и нормам.

«Путь совершенства», по которому движется реализующая свой потенциал индивидуальность, отвечает, как ни странно, *всем* необходимым критериям духовности, нравственности и культуры в их *изначальном* смысле. Ведь и нравственность, и наука, и настоящая культура создавались не на социальном, а как раз на высшем уровне, описываемом нашей моделью. Создавались они такими же выдающимися индивидуальностями, «аристократами духа». И лишь позднее эти достижения были «спущены» уровнем ниже, в социум, где были упрощены и приспособлены под массовое («общечеловеческое») использование [17; 45].

Отметим, что первый подход к индивидуальности (раскрывающий неповторимость и уникальность личности через анализ ее деятельностей и

отношений) остается возможным в рамках *третьего уровня* нашей концепции, описывающего «социальную реализацию» субъекта. Второй же подход с необходимостью требует высшего, четвертого уровня.

Первая трактовка индивидуальности в рамках ЛОКС кажется «шире», вторая – «выше». Это позволяет предполагать, что «нижележащая», первая трактовка может находиться в иерархической соподчиненности к «вышестоящей», второй. И в самом деле, *высшая* стадия развития личности не может не отличаться неповторимостью и своеобразием ее деятельностей и отношений – наряду с другими, ранее перечисленными возможными критериями. При таком подходе вторая трактовка индивидуальности инкорпорирует в себя первую в качестве одного из подуровней. Очевидно, вторая трактовка подразумевает и некие особые характеристики субъекта (возникающие именно на *высшей* стадии развития), на которые первая трактовка прямо не указывает.

Рассмотрим важную проблему, тормозящую исследование индивидуальности как высшей формы развития личности. В упомянутых выше работах мы не обнаружили не только психологических исследований, но даже упоминаний *индивидуализма*, однокоренного с индивидуальностью понятия. Мы постараемся выявить причины, приведшие к такому странному положению дел.

Ученые зачастую не догадываются, какие мощные моральные импликации («хорошо» - «плохо»; «правильно» - «неправильно») заложены не только в повседневной речи, но и в терминологии гуманитарных наук. В русскоязычной психологии понятие «индивидуальность» всегда имело и продолжает иметь «позитивную» трактовку, подчеркивая неординарность субъекта, уникальность его личностных качеств и жизненного пути.

Теперь сделаем шаг в сторону от «положительной» индивидуальности и поищем родственные ей слова. Ближайшим однокоренным понятием оказывается «индивидуализм», однозначная (как научно-психологическая, так и моральная) интерпретация которого представляет немалые трудности.

Что же скрывается за определениями индивидуализма? Часто подчеркивается, что индивидуализм субъекта связан не только с его неординарностью, но и с предпочтением личных интересов общественным [111]. Совершенно очевидно, что советская психология, насквозь пропитанная идеологическим духом коллективизма, не могла положительно отнестись к индивидуализму. На наш взгляд, постсоветская психология в целом ряде аспектов своего развития продолжает следовать установленным ранее традициям и неписанным терминологическим «правилам игры», хотя времена давно изменились. Как отмечает Р. Кох, и коммунизм и нацизм были едины в своей ненависти к индивидуализму – основному гуманистическому достижению западной цивилизации [94].

Чтобы показать картину целиком, сделаем еще один шаг в сторону. Ближайшим к «индивидуализму» понятием оказывается «эгоизм», которому русскоязычные источники склонны давать исключительно негативные

определения. Теперь гораздо легче представить незавидное положение, в которое попал термин «индивидуализм»: с одной стороны он контактирует с «положительно» окрашенной индивидуальностью, с другой – с «недопустимым» эгоизмом.

В современной работе В. И. Мильдона отмечается, что этическая мысль постоянно смешивает понятия «эгоизм» и «индивидуализм» [67]. Сам же автор указанной статьи считает их противоположными друг другу. Зададимся в этой связи вопросом: можно ли «случайно» смешивать противоположности, причем делать это постоянно? Проведя анализ множества дефиниций понятия «индивидуализм», мы не обнаружили в нем ни одной характеристики, которая не могла бы быть приписана и эгоизму [13, гл. 4]. Это позволило рассматривать индивидуализм как высшую форму эгоизма в разработанной нами двусистемной модели. Теоретические трудности, ранее возникавшие с обоими терминами из-за их существенного сходства, обусловленного общим происхождением, были устранены введением уровневой структуры понятия «эгоизм» в Личностно-ориентированной концепции счастья.

Моральное лицемерие и научная путаница, в создании которых преуспели некоторые гуманитарии, не позволяют открыто признать очевидное: а) родство индивидуальности с индивидуализмом; б) родство индивидуализма с эгоизмом; в) индивидуализм как аутентичный модус существования индивидуальности, реализующей свой уникальный потенциал.

О чем постоянно забывают критики – так это о пользе, которую индивидуальное самоосуществление приносит социуму (немедленно или в перспективе). Общее богатство увеличивается в результате роста составляющих его индивидуальных богатств.

Индивидуальность: предлагаемое решение. Если вся или, по крайней мере, большая часть активности индивида эгоистически мотивирована [50; 51; 57], а эгоизм положительно связан с альтруизмом [22; 28; 49; 61; 102] и смыслом [11; 27; 52; 101] в повседневной жизнедеятельности человека, значит, единственно разумным и напрашивающимся ходом становится лишение понятия «эгоизм» негативной ауры – по крайней мере, для подавляющего большинства типичных жизненных ситуаций. Подобное решение естественным образом улучшит «имидж» родственного эгоизму понятия «индивидуализм», что, в свою очередь, проложит путь к началу всестороннего изучения индивидуальности как *исключительной личности*, проповедующей принципы индивидуализма. Как видим, «эффект домино» (эгоизм – индивидуализм – индивидуальность) может быть приведен в действие. Разумеется, индивидуализм трактуется как наиболее естественный modus vivendi индивидуальности, стремящейся к развитию и продуктивной реализации своего внутреннего потенциала.

Основная трудность на данном пути нам видится в преодолении основанных на невежестве и ложно понятых традициях «моральных» предрассудков, связанных с понятием «эгоизм». Хочется надеяться, что век спустя

после того, как основанная на малоприемлемых в тот период идеях сексуальности теория З. Фрейда покорила мир, ее путь сможет повторить ЛОКС, в значительной степени опирающаяся на столь же чуждые для советской и постсоветской психологии понятия «эгоизм» и «индивидуализм».

Эгоизм, альтруизм и смысл: следствия для морали и педагогики. Морально окрашенные трактовки, принятые в советской и постсоветской гуманитарной науке, противопоставляют друг другу «плохой» эгоизм и «хороший» альтруизм. Однако являются ли данные понятия противоположностями на самом деле?

Для проверки соотношения эгоистических и альтруистических компонентов в повседневной активности человека мы провели в 2012-2013 гг. несколько исследований с использованием методов выборки переживаний (experience sampling methods – ESM). Шкала эгоизма получила определение «Польза, выгода для себя», шкала альтруизма – «Польза, выгода для других» [27].

Главным результатом проведенных исследований явилось наличие положительных корреляционных взаимосвязей между шкалами «эгоизма» и «альтруизма» у всех испытуемых, причем большинство корреляций имели статистически значимый характер.

По количественным значениям шкала «эгоизма» превзошла шкалу «альтруизма» почти во всех случаях. Полученный факт является дополнительным подтверждением идей о врожденной (эгоистической) предрасположенности индивида «в свою пользу» с целью увеличения шансов на собственное выживание [57].

Также были выявлены положительные корреляции между шкалой «эгоизма» и шкалой «смысла» («Отвечает моим ценностям, имеет смысл для меня»). У всех испытуемых «эгоизм» сильнее связан со «смыслом», чем «альтруизм». Корреляции последнего со «смыслом» также положительны (хотя менее значимы).

Факторный анализ, проведенный по результатам исследований, также показал стопроцентную отнесенность шкал «смысла» и «эгоизма» к одному фактору – вне зависимости от того, выделялось нами два либо три фактора.

Обнаружение позитивных взаимосвязей между эгоизмом и альтруизмом наносит удар по лицемерной идеологии, предпочитающей рассматривать данные понятия в качестве противоположностей, имеющих при этом разные импликации и разную ценность с моральной точки зрения. Очевидно, что между «противоположностями» не может существовать стабильно-положительная взаимосвязь.

Если эгоизм так или иначе лежит в основе большинства альтруистических актов, значит, от приписываемой данному понятию негативной моральной ценности следует отказаться. В этом случае «…альтруистические действия становятся разновидностью эгоистических. Если считать эгоистическими все действия, значит, подобное поведение нельзя расценивать как порок» [96, p. 267].

Теперь мы можем утверждать, что эгоизм и альтруизм не только совместимы, но и практически неразрывны в большинстве ситуаций повседневной активности. Многие виды помогающего поведения так или иначе усиливают и самого актора, а не только тех, кому он оказывает помощь. И наоборот, действия человека по «усилению себя», особенно, если речь идет о продуктивной самореализации, приносят пользу и другим людям (немедленно или в перспективе).

Как теперь выясняется, активный деятель обычно несет выгоду не только себе, но и другим (эгоизм *плюс* альтруизм равняется суммарная польза). И наоборот, ленивый человек не делает ни того, ни другого, зато любит клеймить «эгоистом» любого успешного труженика.

Также отметим, что полученные нами экспериментальные результаты хорошо соответствуют ряду известных зарубежных теорий: концепции «преобладающего эгоизма» («predominant egoism») Г. Кавки [93], теории альтруистического эгоизма Г. Селье [72], а также взглядам А. Маслоу, отмечавшего неразрывность эгоизма и альтруизма в активности психически здоровых людей [66].

Две выявленных закономерности (положительная взаимосвязь между эгоистическими и альтруистическими компонентами в активности человека, равно как и количественное преобладание эгоизма над альтруизмом) позволяют приблизиться к непротиворечивому ответу на вопрос о природе первичной мотивации.

Проделанная нами работа по теоретическому и экспериментальному изучению соотношения эгоистической и альтруистической мотивации и поступков позволяет обобщить результаты в ***новой концепции мотивации***, требующей дальнейшего осмысления и проверки. Суть ее в следующем. К области первичной (конечной) мотивации (ultimate motives) относится эгоистическая, цель которой заключается в благополучии индивида. Первичная мотивация порождает множество инструментальных (промежуточных) мотивов, целью которых может быть как собственное благополучие, так и благо других (ведущее *в конечном итоге* к собственной пользе). Существование инструментальных альтруистических мотивов (как и определяемых ими альтруистических действий) диктуется жизнью индивида в условиях социума и необходимостью отыскания *разных* способов достижения целей конечной (эгоистической) мотивации. По этой же причине часть инструментальных мотивов имеет смешанный характер, хотя в целом эгоистическая мотивация, *непосредственно* обслуживающая инстинкт выживания индивида, преобладает над альтруистической. В то же время конечная цель альтруистической мотивации (подобно эгоистической) по-прежнему заключается в принесении пользы своему носителю (по принципу «отойти, чтобы быстрее попасть»). Делается это с помощью иных средств – альтруистических поступков, «немедленную» и явную выгоду от которых получает общество, членом которого данный индивид является. Как пишет в похожей

связи Д. Кребс, альтруизм и эгоизм могут быть интегрированы в рамках адаптивных (направленных на решение проблем) стратегий индивида [95].

Указанные разновидности инструментальной мотивации «на поверхности» воплощаются в действиях соответствующей им природы, охватывающих как непосредственные интересы индивида, так и (в большей или меньшей степени) интересы других людей. Предпринятые действия имеют разного рода последствия, «конечным» среди которых опять-таки является благополучие актора. Диапазон инструментальных мотивов и соответствующих им действий может быть представлен в виде континуума, крайними точками которого являются «эгоизм» (польза, выгода для себя) и «альтруизм» (польза, выгода для других).

Приведенная последовательность («первичный» мотивационный эгоизм – «инструментальные» мотивационные эгоизм и альтруизм – эгоистические и альтруистические действия – последствия действий) позволяет в полной мере объяснить полученные экспериментальные результаты: положительные корреляции между шкалами эгоизма и альтруизма, а также количественное преобладание первого над вторым. Оно также объясняет отсутствие «базального» конфликта между внешне противоположными разновидностями мотивации (эгоистической и альтруистической). В этом случае для описания взаимоотношений эгоизма и альтруизма хорошо подходит метафора «отца» и «сына».

Говоря об эгоистической мотивации, мы нередко используем определения «первичная» и «конечная». Обе указанных дефиниции обозначают по сути одно и то же. Единственное различие в их упоминании связано с временным контекстом: о «первичности» мотивации более уместно говорить в связи с *целью* планируемого (или начинающегося) действия, в то время как о «конечности» – в связи с анализом наступивших и возможных в будущем *последствий*.

Закономерности, выявленные в наших исследованиях, имеют самое непосредственное отношение к морально-нравственному воспитанию. Отныне, вместо огульного отрицания эгоизма и пропаганды утопических фантазий относительно «бескорыстного служения человечеству» подготовленный специалист может учить воспитанников видеть и собственную выгоду при оказании помощи другим людям, либо осознавать пользу, приносимую обществу в более широком контексте при реализации собственных интересов. Так или иначе, педагогическая ситуация теряет черно-белую окраску и становится гораздо более интересной для применения творческих инноваций [39]. Указанные положения могли бы послужить фундаментом для новой, разумной системы воспитания, открыто ставящей энергию врожденных инстинктов на пользу *развития* индивида – в том числе, как члена общества.

Для тех же, кто лицемерно называют себя «истинными» альтруистами, могут наступить трудные времена. Мало того, что на самом деле (в конечной инстанции) данный человек является эгоистом: теперь он еще и лжет окружающим относительно собственной альтруистической природы. Таким

образом, индивид, говорящий о своем «альтруизме», оказывается в еще худшем положении, чем открытый эгоист. Последний, по крайней мере, не обманывает ни окружающих, ни себя самого.

Как указывал Д. Ван Инген, индивиду не следует говорить о своем эгоизме, чтобы не прослыть аморальным [109]. Теперь же может оказаться, что человек не должен говорить о своем альтруизме, поскольку в основе последнего всегда лежит эгоистическая мотивация. Даже если индивид не лжет о совершенном альтруистическом деянии, он (возможно) лжет о конечных альтруистических мотивах своего поведения. А ложь по-прежнему аморальна – в отличие от признаваемого эгоизма, которым, как теперь выясняется, наделены все люди.

Все вышеуказанные соображения касались, главным образом, системы «Эгоизм» в ЛОКС. Наиболее важным применительно к педагогике мы считаем формирование у воспитанников «Высшего» Эгоизма четвертого уровня, при котором внутренний потенциал (ЛУ) рассматривается учеником как *главная ценность*, успешное воплощение которой приносит и наивысшее счастье, основанное на реализации своего жизненного предназначения. Поэтому второе важное направление педагогической работы как раз и связано со второй системой ЛОКС – поиском и всемерным развитием каждым учащимся своего уникального внутреннего потенциала [8].

Мы не берем себя смелость утверждать, что *каждый* воспитанник сумеет решить свою главную жизненную задачу (статистика тренингов, проводимых нами в данном направлении в последние годы, свидетельствует об обратном). Тем не менее, для нас теперь также очевидно, что при новом подходе количество индивидов, сумевших успешно реализовать себя, вырастет во много раз, что в свою очередь приведет к колоссальным позитивным сдвигам в общественном развитии.

Психологическое консультирование: Терапия Личностной Уникальностью. Отметим, что уже в глубокой древности существовали техники по «уходу в себя», «погружению в себя», развитию способности «отступить в себя» и «укрыться в себе» как в хорошо оборудованном убежище. Понятия «чтить самого себя» и «лечиться» рассматривались в качестве синонимов. Знаменитая в античные времена «секта терапевтов» связывала самопознание и внимание индивида к собственной душе с его общим здоровьем, способностью противостоять жизненным испытаниям. Как отмечает М. Фуко, связь между медициной (в данном случае, психотерапией) и заботой о себе является старинной, традиционной [80].

Основываясь на разработанной теоретической модели, мы подготовили систему психотерапии и самотерапии, в ходе которой клиент осознает собственную Личностную Уникальность (ЛУ) в качестве «идеальной» части, определяющей его жизненное предназначение, что служит защитой от внешнего дистресса [12; 48; 100]. В терапии Личностной Уникальностью (ЛУТ) мы используем лишь одну из двух основных систем (ЛУ), взятую вне взаимодействия с системой «ЭГ». Поэтому речь в данном случае идет не о

самореализации, а, в первую очередь, об улучшении внутреннего состояния в периоды дистрессов и кризисов, приходящих из внешнего мира.

Как отмечает М. Селигман, всю большую и мягкую «духовную мебель», ранее являвшуюся источником смысла и надежды (религию, всевозможные «высшие силы», вечные ценности культуры и т. д.) у современного человека отобрали. Осталась лишь одна маленькая, жесткая и неустойчивая табуретка – собственное «я» [107]. Поэтому нам кажется оправданным в терапевтических целях делать данное «сиденье» больше и комфортабельнее. В рамках ЛОКС подобное лучше всего достигается с помощью системы «Личностная Уникальность» как «внутреннего сокровища» индивида. Если изменчивая и нестабильная окружающая среда предоставляет все меньше надежных опор, значит необходимо создавать опоры внутренние. Можно сказать, что идеи ЛУТ в чем-то близки позитивному мышлению, только повернутому внутрь: «Все будет хорошо – но внутри меня, а не во внешнем, малопредсказуемом и неподконтрольном мире».

С нашей точки зрения, ЛУТ имеет важное преимущество перед терапией В. Франкла. Напомним, что данный ученый (и вслед за ним позитивный психолог М. Селигман) помещают смысл вовне субъекта – в окружающем мире [31; 76]. При этом они не учитывают, что в этом случае любое резкое изменение внешней ситуации способно привести и к «потере» человеком смысла жизни. Согласно их же логике, новые условия неизбежно потребуют от индивида отыскания нового смысла, и это (потеря смысла с его последующим поиском) будет многократно повторяться на протяжении жизни, подвергая дополнительным испытаниям психику человека.

Мы отмечаем поразительную для ученых данного уровня недальновидность, которую «исправляет» Терапия Личностной Уникальностью как одно из приложений ЛОКС. Согласно ЛУТ, именно внутреннее лоцирование идеальной части психики не способно привести к ее исчезновению вследствие перемен во внешнем мире: так или иначе, Личностная Уникальность всегда будет со своим носителем, пока тот остается в живых.

Наша практика показала, что выявление и контакт индивида с *лучшей* частью себя, своим «внутренним сокровищем», которое *всегда* остаётся с человеком, позволяет ему легче пережить периоды стрессов и жизненных кризисов.

Практически любой человек может вспомнить, как в тяжелые периоды, наступающие в какой-то одной области (например, в работе), он «с головой» уходил во что-то другое, не затронутое кризисом – спорт, хобби или семейную жизнь, и таким образом находил ресурсы, чтобы пережить неприятности и справиться с ними. В этом смысле Личностная Уникальность предоставляет наиболее надежную опору вследствие своей идеальной природы и внутреннего лоцирования. Идеи ЛУТ в полной мере позволяют субъекту сохранить столь необходимую внутреннюю целостность (концептуальное единство) после окончания травмирующего события [85, с. 291].

Если у индивида уже сформировалось внутреннее ощущение собственной Личностной Уникальности (например, в ходе Эвдемонического Тренинга), то оно как раз и будет особенно (по контрасту) усиливаться в периоды «внешних» неприятностей. Тем самым, у человека всегда будет возможность укрыться в уютном «убежище» и восстановить свое душевное равновесие. Если в окружающей среде резко повышается уровень «негативной сложности», индивид учится в защитных целях быстро переходить от нее к внутренней «позитивной простоте».

Поверхностный взгляд может заметить некоторое сходство между постулатами ЛУ-терапии и нарциссическими проявлениями личности. ЛУТ не имеет отношения к нарциссизму, поскольку Личностная Уникальность – это не весь «я», а лишь одна часть, пока еще скрытая в бессознательном и требующая немалого труда для выявления и реализации. Поэтому у субъекта нет особой гордости перед окружающими; ему также не требуется и их восхищение. Тот, кто полон «истинным собой», лишен нарциссической зависти по отношению к другим. Ради развития и реализации Личностной Уникальности индивиду следует прилагать усилия, работать и вести этически правильную жизнь, чтобы осуществить свое индивидуальное предназначение [16].

ЛУТ целесообразно использовать, когда индивид (его ЭГ) временно не способен изменить неблагоприятную «внешнюю» ситуацию, поэтому лучшим способом будет принять случившееся и примириться с ним. Концентрация внимания на сохранившихся внутренних возможностях, контакт со своей «идеальной» частью помогают процессу самоутешения: «Сейчас мне плохо, тяжело, но моя Личностная Уникальность по-прежнему со мной. В будущем я смогу ее реализовать и сделать свою жизнь счастливее». Подобная фокусировка позволяет запустить и облегчить процесс коупинга, в ходе которого должен произойти постепенный «выход» из негативных переживаний к позитивным аспектам существования [48].

Наша точка зрения может быть подтверждена не только многолетней профессиональной деятельностью, но и известными всем историческими аналогиями, когда притесняемые и жестоко преследуемые меньшинства (в частности, евреи) находили внутренние силы для борьбы за выживание и сохраняли самоуважение благодаря религиозному чувству «избранности», «особости». В этом смысле внутреннее «сокровище» Личностной Уникальности предельно компактно – его всегда можно «взять с собой». Кроме того, оно невидимо для окружающих, а потому не может стать объектом их недружелюбных действий. Как писал Эпиктет, другие люди «не знают, что они не могут даже прикоснуться до того, что есть воистину мое и чем одним я живу» [86, с. 47].

Пациент в процессе психотерапии учится конструировать, осознавать, «слушать» свою идеальную часть и входить с ней в контакт, обогащаясь мудростью и психологическими ресурсами, что меняет фокусировку с

«внешнего и плохого» на «внутреннее и хорошее». Клиент постепенно понимает, что главные «сокровища» скрыты у него внутри, а не в материальном мире. Туда же, внутрь, открывается и «дверь к счастью». Конструкт Личностной Уникальности служит в этом случае побуждающей силой для внутреннего роста. Счастливое, полноценное существование, когда человек живет в соответствии со своим внутренним духом, а не внешней суетой. Энергия, высвобождаемая из «внешних» конфликтов, немедленно становится доступной для внутренней гармонии, личностного роста и творческой жизни.

ЛУТ позитивна не только потому, что естественным образом вытекает из нашей теоретической концепции счастливой жизни, но и в связи с идеальной природой Личностной Уникальности, на которую (и в конечном итоге только на которую) опирается клиент. Оптимизм индивида при опоре на собственную ЛУ приобретает «бессрочный» характер. Личностная Уникальность, идеальная часть, живет столько же, сколько сам индивид, и только крепнет с годами.

Диапазон пациентов для применения ЛУТ кажется нам достаточно широким. Очевидно, методику в модифицированном виде можно применять даже с психотическими пациентами вне периода обострений. Напомним в этой связи, что многие симптомы шизофрении как раз характеризуются утратой пациентом контакта со своим внутренним «я». Имеют место жалобы на то, что тело стало «чужим», что в голове «чужие» мысли и т.д. Поэтому работа в рамках ЛУТ должна принести большую пользу пациенту. Так, например, можно обратить его внимание на то, что у него имеется не только «больная», но и «здоровая» часть личности, в которой могут быть скрыты важные ресурсы. Совместная с психотерапевтом работа по установлению контакта, укреплению и расширению этой «лучшей» части позволит больному в будущем вести более счастливую жизнь.

В целом ЛУТ ориентирует человека на собственные внутренние ресурсы, что не позволяет почувствовать себя беспомощной жертвой обстоятельств и не остаться впоследствии в этой позиции в ходе поддерживающей терапии.

Заключение. Приведенные примеры (на самом деле их список намного длиннее) показывают большую теоретическую силу нашей концепции, обусловленную ее двусистемным и многоуровневым построением. Практические методики (диагностический опросник «ЭЛУ Плюс», Эвдемонический Тренинг, анкеты выборки переживаний и т.д.) заинтересованный читатель найдет в наших монографиях и приложениях к журнальным публикациям.

Вкратце отметим, что использование категориального аппарата ЛОКС позволило создать уровневую иерархию, уточнить или систематизировать ряд терминов, широко применяющихся в современном гуманитарном дискурсе и имеюших неясные граница. Речь идет о понятиях «духовность» [36], «индивидуальность» [30], «интеллект» [40], «культура» [45], «любовь» [33],

«мудрость» [42], «нарциссизм» [16], «смысл» [62], «удовольствие» [20], «экзистенция» [19], «эмоциональное выгорание» [37; 43]. Абсолютное большинство общепсихологических терминов удачно вписываются в определенный уровень одной из систем ЛОКС. Также не забудем, что использование концептуальной модели позволило нам успешно выявить основные характеристики, ассоциирующиеся с высоким уровнем субъективного благополучия (счастья), определяемого в качестве конечной ценности человеческой жизни [24; 27; 29; 103].

Все вышеперечисленные достижения ЛОКС, имевшие место в различных областях и разделах психологии, равно как и смежных с ней наук, отнюдь не кажутся случайными. Нам не удалось обнаружить других психологических теорий, основу которых составляли бы не одна, а две взаимодействующие между собой развивающиеся многоуровневые системы. Некоторые из этих межсистемных и межуровневых взаимодействий были нами обнаружены и описаны [14], другие еще ждут своего часа. Универсализм концепции определяется ее способностью исследовать как вершины (акме) человеческого духа, так и психику обычного, «среднестатистического» индивида. Мы утверждаем, что широта охвата, достигаемая с помощью двусистемного построения, «высота» и «глубина», определяемые многоуровневым подходом, равно как и полученные с помощью ЛОКС результаты делают настоящую концепцию наиболее подходящим кандидатом на роль «окончательной теории» для современной психологической науки.

Список литературы

1. Абульханова К.А. История и перспектива психологии индивидуальности // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. – С. 14-63.

2. Барабанщиков В.А. Принцип системности и современная психология // Теория и методология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 268-285.

3. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

4. Левит Л.З. Психология счастья: личностно-ориентированная концепция // Научно-практический журнал «Психология. Социология. Педагогика». 2012. №2. – С. 37–41.

5. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья и «опросник ЗУЛУРЭГ» // Вестник образования и науки. Педагогика. Психология. Медицина. 2012. Выпуск 2 (4). – С. 38–48.

6. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: теоретический анализ. // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 49-51.

7. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: краткая история // «Психология и психотехника». 2012. №8. – С. 78–86.

8. Левит Л.З. Тренинг и диагностика компонентов эвдемонической активности индивида // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов Седьмой международной научно-практической конференции. Часть 2. – Саратов-Вольск: «Изд-во Наука», 2013. – С. 72-79.

9. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: новая системная парадигма // Педагогическое образование в России. 2013. №1. С. 102–111.

10. Левит Л.З. Эвдемония: жизнь для героя // Современная зарубежная психология. 2013. №1. – С. 69–77.

11. Левит Л.З. Смысл и эгоизм: совместимы ли понятия? // Пятая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. Материалы сообщений. М.: Смысл, 2013. – С. 90–93.

12. Левит Л.З. Личностная Уникальность клиента как основа для терапии // Психология и психотехника. 2013. №6. – С. 584–590.

13. Левит Л.З. Уникальный потенциал, самореализация, счастье. Saarbrucken: Lambert Academic Publishing, 2013. – 482 с.

14. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: внутренняя диалектика // Психология сознания: Истоки и перспективы изучения. Материалы XIV Международных чтений памяти Л.С. Выготского. М.: РГГУ, 2013. / Под. ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 т. Т. II. – С. 36–41.

15. Левит Л.З. «Воля к жизни» А. Шопенгауэра и Личностно-ориентированная концепция счастья: недостающие звенья // Философия и культура. 2013. №11. – С. 1574–1581.

16. Левит Л.З. Эгоизм, личностная уникальность, нарциссизм: сходство и различия. // Педагогическое образование в России. 2013. №4. – С. 212-225.

17. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья и культурно-историческая теория: место встречи // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая теория. Материалы V Международной конференции. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 41-43.

18. Левит Л.З. «Золотая середина» и «любовь к себе»: что же имел в виду Аристотель? // Сборник центра научных публикаций: «II Летние чтения». Киев, Центр научных публикаций, 2014. – С. 93-97.

19. Левит Л.З. Существование человека: «пунктир» или «синусоида»? // Международная конференция «Наука как основа возрождения общества и экономики» (сборник докладов). Донецк: НИЦ «Знание», 2014. – С. 89-92.

20. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: эвдемония и уровни удовольствия // Научный журнал «Educatio». 2014, № 4. Часть 5. – С. 34-37.

21. Левит Л.З. «Миф о пещере» Платона и Личностно-ориентированная концепция счастья: восполняя недостающие звенья. // Интеллектуальный капитал евразийского союза (Материалы конференции). Минск: «Право и экономика», 2014. – С. 295-297.

22. Левит Л.З. Соотношение эгоистических и альтруистических компонентов в повседневной активности человека. // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2014. № 1. – С. 60–67.

23. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: духовность против гедонизма // Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы / Материалы международной конференции. Минск: Право и экономика, 2014. – С. 114-116.

24. Левит Л.З. В погоне за счастьем: основные экспериментальные результаты // Международный научно-практический журнал «Смальта». 2014. № 4. – С. 9-16.

25. Левит Л.З. Здоровье как предпосылка самореализации // Экологическая педагогика и психология здоровья (материалы конференции). USA: Primedia E-launch LLC, 2014. – С. 24-27.

26. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и его реализация: двусистемная концепция (в двух частях). Минск: РИВШ, 2014. Ч. 1. – 420 с. Ч. 2. – 272 с.

27. Левит Л.З. Использование методов выборки переживаний (ESM) в исследованиях счастья. Минск: РИВШ, 2014. – 148 с.

28. Левит Л.З. Эгоизм: великий объединитель // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал. 2014. № 4. – С. 149-156.

29. Левит Л.З. Что же такое счастье: опыт трех исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 139 – 148.

30. Левит Л.З. «Индивидуальность», «смысл», «любовь»: систематизация понятий // Актуальные проблемы гуманитарных наук (Материалы IX Международной конференции, Вольск). М.: Изд-во «Перо», 2015. – С. 79-92.

31. Левит Л.З. Счастье и смысл: дискутируя с М. Селигманом. // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Выпуск 1 (13). – С. 25-27.

32. Левит Л.З. Вершина развития индивида: обобщение в рамках новой модели // Педагогическое образование в России. 2015. №5. – С. 49-67.

33. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: уровни любви // Психология развития и стагнации личности в рамках современного общества (материалы III Международной конференции). Казань: ИП Синяев Д.Н., 2015. С. 51-54.

34. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: интегративные возможности // Социальный психолог, 2015, выпуск № 1 (29). – С. 30-42.

35. Левит Л.З. Украина: миссия выполнима? // I Весенние чтения (материалы конференции). Киев: Центр научных публикаций, 2015. – С. 95-98.

36. Левит Л.З. Духовность как поиск, обнаружение и реализация внутреннего идеала // Акмеология (научно-практический журнал). 2015, №3 (юбилейный выпуск). – С. 103-104.

37. Левит Л.З. Эмоциональное выгорание специалиста: опыт экспериментального исследования // Пензенский психологический вестник. 2015. №4. – С. 80-107.

38. Левит Л.З. Рай и ад: двойственная человеческая природа, самореализация, духовность // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки [Электронный ресурс]. 2015. № 5. Режим доступа: http://apriori-journal.ru/seria1/5.

39. Левит Л.З. Эгоизм и альтруизм: еще раз о нравственном // Педагогическое наследие академика И.Ф. Харламова и современные проблемы теории и практики нравственного становления личности (материалы конференции). Ч. 1. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. С. 145-148.

40. Левит Л.З. Креативная личность и интеллект: «снаружи» и «внутри» деятельности // Психология способностей. Современное состояние и перспективы исследований. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 129–131.

41. Левит Л.З. Жизненные этапы, структурные уровни, побочный продукт: новая концепция / Л.З. Левит // Творчество: наука, искусство, жизнь. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я.А. Пономарева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – С. 244–246.

42. Левит Л.З. Обретение мудрости: выбор внутренних ценностей / Л.З. Левит // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XX психологического симпозиума. Москва, 2015. – С. 75–78.

43. Левит Л.З. Эгоизм как фактор эмоционального выгорания: за и против // Мир психологии. № 3 (83). Июль-сентябрь. М.: 2015. – С. 217-235.

44. Левит Л.З. Еще раз о предмете психологии: мысленный эксперимент // Обучение и развитие. Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Ч. 1. М.: Левъ, 2015. – С. 57-62.

45. Левит Л.З. Культура и ее уровни // Мова і культура. Випуск 18. Том II (177). Киев, 2015. С. 36-40.

46. Левит Л.З. Предмет психологии и теория личности: новые возможности // Прикладная психология и психоанализ. Электронное периодическое научное издание. 2015. № 4.

47. Левит Л.З. О новых возможностях в психологии личности // Социальный психолог. 2015. № 2 (30). – С. 12-18.

48. Левит Л.З. Копинг: в контакте с «внутренним идеалом» // Психологическое, физическое, информационное насилие и пути его преодоления в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск: изд-во ОМГУ, 2015. – С. 51-60.

49. Левит Л.З. Почему плачут младенцы: еще раз об эгоизме и альтруизме // Современная зарубежная психология. Т.4. № 3. 2015. – С. 24-31.

50. Левит Л. З. Психологический эгоизм и мотивация // Психология мотивации:

прошлое, настоящее, будущее. (Материалы Международной научно-практической конференции). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. – С. 192-195.

51. Левит Л.З. Эгоистическая мотивация: экспериментальные результаты и теоретический дискурс // Психология обучения. 2016. № 1. – С. 4–17.

52. Левит Л.З. Где живет смысл [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2016. Выпуск № 1.

53. Левит Л.З. «Миф о пещере» и элитарное сознание. // Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 2-й Международной конференции. М.: Изд-во «Перо», 2015. С. 404-422.

54. Левит Л.З. Идеал «Я»: куда не дотянулся Зигмунд Фрейд // Актуальные проблемы современной психологии. М.: Перо, 2016. № 10. Ч. 3. Кн. 2. – С. 7-12.

55. Левит Л.З. Внутренний потенциал и его реализация: способность или потребность? // Психология III тысячелетия (материалы III Международной конференции). Дубна, 2016. – С. 114-117.

56. Левит Л.З. Современная психология против марксистских лозунгов // Белорусская политология: многообразие в единстве (материалы конференции). Гродно, 2016. – С. 26-28.

57. Левит Л.З. Спор об альтруизме: дискуссия с Д. Батсоном // Помогающее поведение: ценности, смыслы, модели (материалы конференции). Калуга, 2016. – С. 57-71.

58. Левит Л. З., Радчикова Н. П. Личностно-ориентированная концепция счастья: теория и практика // Национальный Психологический Журнал. 2012. №2 (8). – С. 81–90.

59. Левит Л.З., Радчикова Н.П. Опросник ЭЛУ: в борьбе с правосторонней асимметрией // Электронный научный журнал «Исследовано в России». 2013. № 017. – С. 244–261.

60. Левит Л.З., Сапего Е.И. «Познай себя» и «стань собой»: истинный смысл великих древних лозунгов // Актуальные проблемы гуманитарных наук (Материалы IX Международной конференции, Вольск). М.: Изд-во «Перо», 2015. С. 93-95.

61. Левит Л.З., Шевалдышева Е.З. Эгоизм и альтруизм: «антагонисты» или «братья»? // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 4. – С. 62–78.

62. Левит Л.З., Найда О.С. Личностно-ориентированная концепция счастья: смысл и его уровни // Электронный научный журнал «Априори. Серия: Гуманитарные науки». 2015. № 2. – С. 1-10.

63. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Речь, 2002. – 448 с.

64. Маркус Гарри. Несовершенный человек / Г. Маркус. – М. : Альпина нон-фикшн, 2011. – 256 с.

65. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 2002. – 432 с.

66. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е издание. СПб.: Питер, 2009. – 352 с.

67. Мильдон В. И. Индивидуализм и эгоизм (введение в современную этику) // Вопросы философии. 2008. № 6. – С. 43–55.

68. Палмер Дж. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 384 с.

69. Прехт Р.Д. Я – это я? И если да, то насколько? М.: АСТ, 2013. – 352 с.

70. Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М.: Альпина, 2011. – 192 с.

71. Селигман М. Новая позитивная психология. Киев: София, 2006. – 368 с.

72. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. – 128 с.

73. Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2009. – 288 с.

74. Татенко В.А. Индивидуальность в бытии // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. – С. 64-98.

75. Триверс Р. Обмани себя. – СПб.: Питер, 2012. – 432 с.

76. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

77. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 139-192.

78. Фрейд З. Неудобства культуры. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 192 с.

79. Фрейджер Р., Фейдимен Д, Большая книга психологии. Личность. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК», 2008. – 704 с.

80. Фуко М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2007. – 680 с.

81. Хант М. История психологии. М.: АСТ, 2009. – 864 с.

82. Хьелл Л., Зиглер Д., Теории личности (3-е изд.). СПб.: Питер, 2010. – 607 с.

83. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. – 464 с.

84. Шадриков В. Д. Мир внутренней жизни человека. – М. : Логос, 2010. – 392 с.

85. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.

86. Эпиктет. В чем наше благо? Афоризмы. Марк Аврелий. Наедине с собой. – М. : АСТ, 2011. – 348 с.

87. Юнг К. Синхрония: аказуальный объединяющий принцип. М.: АСТ, 2009. – 352 с.

88. Batson C. D. Empathy and altruism // Handbook of Positive Psychology / Ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 485–498.

89. Egoism [Electronic resource] – Mode of access:_http://plato.stanford.edu/ (Date of access: 20.03.2011).

90. Frick W. B. Remembering Maslow: Reflections on a 1968 interview // Journal of Humanistic Psychology, 2000. V. 40, № 2. – Pp. 128-147.

91. Holmes S. The Secret History of Self-Interest // Beyond Self-Interest. / Ed by J. J. Mansbridge. – Chicago : University of Chicago Press, 1990. – Pp. 267–286.

92. Jason G. J. Portraits of Egoism in Classic Cinema I: Sympathetic Portrayals // Reason Papers, 2014. – Iss. 36. – № 1. – Pp. 107–121.

93. Kavka G. Hobbesian Moral and Political Theory. Part II. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – 461 p.

94. Koch R. Is Individualism Good or Bad? // Huffington Post. September 9, 2014. – P.1.

95. Krebs D. Adaptive altruistic strategies // Behavioral and Brain Sciences. 2002. V.25. – Pp. 265-266.

96. Lacey H. Teleological behaviorism and altruism // Behavioral and Brain Sciences. 2002. V.25. – Pp. 266-267.

97. Lazarus R. S. The Lazarus Manifesto for Positive Psychology and Psychology in General // Psychological Inquiry. Vol. 14. № 2. – Pp. 173-189.

98. Levit L. Z. Happiness: Person-Oriented Conception // International Journal of Advances in Psychology. Vol. 1. Iss. 3. November, 2012. – Pp. 46–57.

99. Levit L.Z. Person-Oriented Conception of Happiness and Some Personality Theories: Comparative Analysis // SAGE Open. January-March, 2014. Published 10 January, 2014. – Pp. 1–7.

100. Levit L.Z. Personal Uniqueness Therapy: Living with an Inner Ideal // American Journal of Applied Psychology. Vol. 3. № 1, January, 2014. – Pp. 1–7.

101. Levit L.Z. Meaning and Egoism: Are the Notions Compatible? // International Journal of Social Science Research. 2014. Vol. 2. № 1. – Pp. 102–112.

102. Levit L.Z. Egoism and Altruism: the “Antagonists” or the “Brothers”? // Journal of Studies in Social Sciences. 2014. Volume 7. № 2. – Pp. 164–188.

103. Levit L.Z. Exploring the Psychology of Happiness: The Latest Experimental Results // Psychology and Social Behavior Research. 2015. № 3 (1). – Pp. 1-10.

104. Mosley A. Egoism. Ethics, Mind and Cognitive Science. – Originally published : 2005. – Pp. 1–7. – Mode of access: www.iep.utm.edu/egoism/

105. Psychological Egoism [Electronic resource] – Mode of access: http://www.iep.utm.edu/ (Date of acceess: 03.02.2010).

106. Ryan R. M., Huta V., Deci E. L. Living well: A self-determination theory perspective on eudaimonia // Journal of Happiness Studies. 2008. V. 9. – Pp. 139-170.

107. Seligman M. E. P. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life. – New York : Vintage Books, 2006. – 318 p.

108. Sheldon K. M., Elliot A. J. Goal striving, need satisfaction, and longitudinal well-being: The self-concordance model // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. № 3. – Pp. 482-497.

109. Van Ingen J. Why Be Moral? New York: Peter Lang Publishing, 1994. – 194 p.

110. Walker J. I. The Philosophy of Egoism [Electronic resource]. – Mode of access: http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/ coldoffthe-presses/walker/ egoism.html

111. Waterman A. S. The Psychology of Individualism. New York: Praeger, 1984. – 401 p.

112. Waterman A. S., Schwartz S. J., Conti R. The implications of two conceptions of happiness [hedonic enjoyment and eudaimonia] for the understanding of intrinsic motivation // Journal of Happiness Studies. 2008. V. 9. – Pp. 41-79.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА НАРКОТИЗАЦИИ И ПРИОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К УПОРТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИКОВ

Фалкина Светлана Анатольевна

Старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь

Аннотация: В статье рассматриваются и анализируются факторы риска наркотизации и приобщения подростков и молодежи к употреблению наркотиков. Дается характеристика четырем уровням факторов риска наркотизации: биологическому, индивидуально-психологическому, микросоциальному, макросоциальному. Развитие наркозависимости также рассматривают как проблему в формировании мотивационной сфере личности мотивов употребления наркотиков.

Ключевые слова: наркотизм, наркотизация, факторы риска, мотивация употребления наркотиков.

Abstract: This paper discusses and analyzes the risk factors of drug addiction and the initiation of adolescents and young people to use drugs. The characteristics of the four levels of risk factors for drug addiction: biological, psychological individual, micro-social, macro-social. Drug development is also considered as a problem in the formation of the motivational sphere of the individual drug motives.

Keywords: drug addiction, anesthesia, risk factors, motivation of drug use.

Высокий уровень наркотизации населения России остается прямой угрозой безопасности и основным фактором подрыва демографического и социально-экономического потенциала страны. Многочисленные исследования в данной области указывают на возрастание риска наркомании среди подрастающего поколения, а также снижения возраста первого приобщения к наркотику. Так, в настоящее время исследователи отмечают, что ранняя наркотизация, употребление психоактивных веществ является одним из наиболее опасных и распространенных факторов, оказывающих пагубное влияние на физического и психологическое здоровье подрастающего поколения. По данным Росстата уровень смертности в возрастной категории от 15 до 34 лет в России составляет более 200 человек на 100 тыс. населения. Данная ситуация обусловлена тем, что порядка двух третей от общего количества ежегодно умирающих в России молодых людей умирает от различных несвойственных молодежи соматических заболеваний, первопричиной которых является немедицинское потребление наркотиков. Кроме того, распространение употребления наркотиков в подростковой и молодежной среде рассматривается как фактор антиобщественного поведения, который способствует повышению преступности и снижению жизненного уровня

населения в целом. Также необходимо отметить влияние наркотиков на формирование личности подростка, так как именно в данном возрасте происходит становление самосознания, формирование жизненных ценностей, идеалов, убеждений. Социальная незрелость, отсутствие стойких жизненных позиций, свойственные данному возрасту, делают детей и подростков особенно уязвимыми к наркотикам.

Учитывая данные условия, возрастает необходимость разработки новых психопрофилактических, психокоррекционных и реабилитационных программ в работе с несовершеннолетними и молодежью. Решение данной задачи требует анализа причин ранней наркотизации, системного изучения критериев и показателей оценки склонности личности к употреблению наркотиков.

Целью данной статьи является психологический анализ факторов риска наркотизации и приобщения подростков и молодежи к употреблению наркотиков.

Прежде всего, необходимо определиться в отношении понятийного аппарата. В социологической, правовой и психологической литературе существует множество подходов к толкованию понятий, связанных с употреблением наркотиков.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 08.01.1998 года № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах» наркомания – это «заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества». [6]

Наряду с понятием «наркомания» широко используется термин «наркотизм». Э.Г. Гасанов дает следующее определение наркотизму: «Наркотизм – это негативное социальное явление, включающее социальный, правовой, криминологический, экономический, биологический и экологический аспекты, затрагивающие соответственно социальную, правовую, криминологическую, экономическую, биологическую и экологическую сферы, отличающееся высокой степенью общественной опасности, выражающееся в заболеваемости наркоманией, причинении вреда здоровью потребителей наркотических средств и совокупности противоправных деяний, связанных с наркотиками, либо совершаемых с целью добывания средств для последующего приобретения наркотиков или в состоянии наркотического опьянения, среди которых преступления, связанные с наркотиками, образуют самостоятельный вид преступности – наркотическую преступность, и организованности последней, превратившей наиболее опасную часть наркотической преступности в разновидность организованной преступности». [4]

Термин «наркотизация» зачастую используется для того, чтобы выразить масштабы и параметры наркотизма (социально-демографические характеристики потребителей, тенденции распространения наркомании в стране и прочие), определить факторы и условия, влияющие на уровень наркомании в обществе, выявить особенности развития региональной и общероссийской наркоситуации.

Экспертами Всемирной организации здравоохранения разработана обобщенная классификация факторов риска наркотизации в зависимости от уровня их проявления. Выделяют четыре уровня факторов риска наркотизации: биологический, индивидуально-психологический, микросоциальный, макросоциальный [3, 5].

К биологическим факторам риска наркотизации относят генетическую предрасположенность, отягощенная наследственность, органические поражения головного мозга, хронические соматические заболевания, степень изначальной толерантности, природа употребляемого вещества.

Исследуя индивидуально-психологические факторы риска, наиболее часто выделяют психопатологические и патопсихологические факторы риска. Наиболее часто исследователи отмечают связь склонности к употреблению ПАВ и формирование зависимого поведения с психопатией и акцентуациями характера. Кроме того, отмечается, что патологическое влечение в ПАВ выполняет задачу компенсации личностных аномалий, защищая уязвимые места личности. К уязвимым чертам личности относят: стойкие нарушения саморегуляции и самоконтроля, проблемы самооценки, низкое самоуважение, низкая способность к рефлексии, низкий уровень развития способности к сопереживанию, нарушения в аффективной сфере, проявляющиеся явлениями алекситимии, высокой эмоциональной лабильности. На поведенческом уровне «уязвимость» личности может появляться, как отсутствие стремления быть в обществе других людей, неадекватном восприятии социальной поддержки, подчиненности среде.

Социальные факторы риска наркотизации – это условия жизни человека в различных социальных общностях и особенности функционирования самого общества, которые способствуют вовлечению в наркотизации. К макросоциальным факторам наркотизации относят доступность ПАВ, ухудшение социально-экономической ситуации в стране, ценностный плюрализм, мода на употребление, традиции общества, связанные с употреблением ПАВ. Микросоциальные факторы риска наркотизации относятся к опыту жизнедеятельности в трех наиболее значимых для ребенка общностях – семье, в учреждениях образования, среди сверстников. Значимые факторы риска наркотизации в семье: злоупотребление ПАВ в семье, несоблюдение членами семьи социальных норм и правил, неправильные воспитательные стили, воспитание ребенка в неполной семье, наличие семейных конфликтов, постоянная занятость родителей. В образовательных учреждениях могут проявляться следующие факторы риска наркотизации: употребление ПАВ в учреждении, раннее асоциальное поведение, академическая неуспеваемость, конфликтные отношения со сверстниками и педагогами. В среде сверстников могут проявляться такие условия риска злоупотребления ПАВ, как: наличие в ближайшем окружении ребенка или подростка лиц, употребляющих ПАВ, или лиц с девиантным поведением; одобрение наркотизации в ближайшем окружении ребенка; отчуждение или конфликтные взаимоотношения со сверстниками.

Необходимо отметить, что вероятность вовлечения подростка в наркотизацию определяется всей совокупностью (комплексом) воздействующих условий. Знание конкретных факторов риска наркотизации позволяет выявить детей и подростков группы повышенного риска наркотизации.

Развитие наркозависимости также рассматривают как проблему в формировании мотивационной сфере личности мотивов употребления наркотиков. В рамках «Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконному обороту на 2001-2005 годы» И.В. Аксючиц было проведено исследование мотивов употребления наркотиков молодежью.

В рамках исследования И.В. Аксючиц выводит понятие «склонность к употреблению нарковеществ» - это устойчивая потребность, избирательная направленность индивида на употребление нарковеществ, которая обусловливается структурой мотивов и выражается положительным отношением, интересом к наркотикам в силу их эмоциональной привлекательности [1]. Таким образом, психологической основой склонности к употреблению наркотиков является структура мотивов, побуждающих индивида к употреблению нарковеществ.

Охарактеризуем мотивы, побуждающие подростков и молодежь к принятию наркотиков, которые выступают одним индивидуально-психологических факторов риска наркотизации.

Первая триада шкал образует группу социально-психологических мотивов приема наркотиков:

1. Традиционные мотивы употребления наркотиков свидетельствуют о стремлении использовать нарковещества по праздникам и другим традициям.

2. Субмиссивные мотивы употребления наркотиков отражают желание подчиняться прессингу значимых людей или референтной группы.

3. Псевдокультурные мотивы свидетельствуют о стремлении приспособиться к наркоманическим ценностям молодежной субкультуры.

Вторая триада шкал образует группу личностных, персональных мотивов потребления наркотиков:

4. Гедонистические мотивы отражают стремление получать физическое и психическое удовольствие от действия наркотика, а также желание пережить опыт наркотической эйфории.

5. Атарактические мотивы показывают желание нейтрализовать негативные эмоциональные переживания - напряжение, тревогу, страх - с помощью наркотиков.

6. Мотивы гиперактивации поведения свидетельствуют о стремлении «выйти» из состояния скуки, душевного бездействия, либо о желании усилить эффективность своего поведения.

Третья триада шкал образует патологическую мотивацию употребления наркотиков, свидетельствует об осознаваемом влечении к наркотикам:

7. Абстинентные мотивы выражают стремление с помощью наркотиков снять абстинентные явления, дискомфорт, улучшить самочувствие.

8. Аддиктивные мотивы определяют фиксацию в сознании болезненного влечения к наркотику, осознанное желание употреблять наркотики.

9. Мотивы самоповреждения отражают стремление употреблять наркотики назло другим и себе, в качестве протеста, из-за потери перспективы будущего, утраты смысла трезвой жизни [2].

Аксючиц И.В. было определено, что в мотивации наркоманов юношеского возраста выявлены самые высокие показатели проявления силы мотивов употребления наркотиков, а также своеобразная их иерархия, где доминирующее положение занимают личностно-патологические мотивы (гиперактивации, гедонистические, абстинентные, атарактические, аддиктивные), подчиненными являются социальные мотивы (псевдокультурные, традиционные, субмиссивные), слабо выражены мотивы самоповреждения. Злоупотребление наркотиками обусловливается следующими факторами: социальным (традиционные, субмиссивные, псевдокультурные), личностным (гедонистические, атарактические, гиперактивации) и патологическим (абстинентные, аддиктивные, самоповреждения). Определены три фактора, обусловливающих присутствие в мотивационной сфере молодежи мотивов употребления наркотиков. К ним относятся гедонистический (мотивы гедонистические, атарактические, гиперактивации, абстинентные, аддиктивные), субмиссивный (мотивы субмиссивные, самоповреждения), субкультуральный (мотивы традиционные и псевдокультурные) факторы.

Выявлены три фактора, обусловливающие у студентов «группы риска» склонность к употреблению наркотиков: депрессивно–тревожный (самоповреждения, субмиссивные, атарактические), гиперактивации (гиперактивации, абстинентные, гедонистические, аддиктивные), субкультуральный (традиционные, псевдокультурные). Первый фактор показывает, что студенты «группы риска» склонны употреблять наркотики из-за потери смысла трезвой жизни, протеста взрослым, в целях подчинения референтной группе, освобождения от тревоги с помощью измененного состояния сознания. Второй фактор указывает на желание студентов «группы риска» употреблять наркотики с целью гиперактивации деятельности для адаптации к среде. Третий фактор свидетельствует о склонности студентов «группы риска» употреблять наркотики «по праздникам, в выходные дни для усиления чувства радости», «когда они доступны, и есть деньги», потому что «модно» и «престижно».

Таким образом, анализируя факторы риска наркотизации и приобщения подростков и молодежи к употреблению наркотиков, можно сделать следующие выводы:

1. Выделяют четыре уровня факторов риска наркотизации: биологический, индивидуально-психологический, микросоциальный, макросоциальный. Биологические факторы риска зачастую являются предпосылками к

развитию наркозависимости и подразумевают наличие наследственно обусловленной биологической уязвимости человека. Индивидуально-психологический уровень факторов риска включает в себя психологические особенности, которые будут обуславливать склонность к принятию наркотических веществ. Микросоциальный уровень содержит такие составляющие, как положение подростка в семье, школе, в кругу сверстников, вовлечение в молодежную субкультуру, где могут создаваться патологические, предрасполагающие к наркомании модели поведения. Макросоциальный уровень затрагивает социальные кризисы и другие негативные социальные, политические и экономические явления, которые могут способствовать повышению уровня наркотизации населения. Вероятность вовлечения подростка в наркотизацию определяется всей совокупностью (комплексом) воздействующих условий.

2. На современном этапе также предлагают рассматривать злоупотребления психоактивными веществами как следствие нарушений функционирования системы «социум-личность-организм», т.е. с позиций биопсихосоциальной модели. Она позволяет учесть существующие модели формирования злоупотребления психоактивными веществами несовершеннолетних.

3. Развитие наркозависимости также рассматривают как проблему в формировании мотивационной сфере личности мотивов употребления наркотиков. Определены три фактора, обусловливающих присутствие в мотивационной сфере молодежи мотивов употребления наркотиков. К ним относятся гедонистический (мотивы гедонистические, атарактические, гиперактивации, абстинентные, аддиктивные), субмиссивный (мотивы субмиссивные, самоповреждения), субкультуральный (мотивы традиционные и псевдокультурные) факторы.

Список литературы

1. Аксючиц И.В. Методика изучения мотивов употребления наркотиков / И.В. Асючиц // Психологический журнал. – М., 2007. – №1. – С. 52-59.

2. Аксючиц И.В. Мотивация употребления или отказа от наркотиков у студентов / И.В. Аксючиц // Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация. – М., 2011. Режим доступа: https://goo.gl/QxQNmR

3. Богомолов А.В. Наркотизация населения как угроза национальной безопасности государства / А.В. Богомолов, Г.Г. Климентенок // Молодой ученый. – 2014. – №3. – С. 94-98.

4. Гасанов Э.Г. Наркотизм: тенденции и меры преодоления. На материалах Азербайджанской Республики/Э.Г.Гасанов.- М.:ЮрИнфоР,1997-272с.

5. О концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде: приказ Министерства образования Российской Федерации от 28.02.2000 г. № 619. Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон Российской Федерации от 08.01.1998 года № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах». Режим доступа: справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЙ СМЫСЛОИНИЦИИРУЮЩЕГО ТИПА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦВЕТООБРАЗОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ

К.А. Литвинов

В рамках нового психолого-педагогического направления – смысловой дидактики – возникает потребность в исследовании феномена цветообраза, как средства актуализации личностных смыслов учащихся [1]. В связи с чем были разработаны технологии «включения» личностно-значимого отношения обучающихся к учебному содержанию посредством цветообразов. Функциональное назначение технологий обучения в учебном процессе состоит в том, чтобы способствовать самораскрытию различных типов цветообразов [2], что позволяет, в том числе, прояснить истинные и ложные представления личности о себе и других; гармонизировать компоненты цвета и образа для уточнения соотношения Я-идеального и Я-реального в общей структуре Я-концепции обучающегося; создать условия для демонстрации способа его самовыражения, подчеркивающего полноту объективирования своего Я в выборе средств презентации цветообразов («чужих» репродукций, компьютерных иллюстраций, авторских разработок).

Для оценки эффективности технологий, инициирующих смыслообразование обучающихся в учебном процессе средствами цветовых образов, были использованы два критерия: педагогический и психологический. Психологический критерий в большинстве педагогических исследований выступает в качестве дополнительного к первому и раскрывается, прежде всего, посредством феноменов, зафиксированных в психодиагностических методиках. В течение трех лет нами были проведены эмпирические исследования, описывающие динамику изменений в смысловой сфере студентов колледжа

Для этого нами были выбраны следующие методики:

1) тест-опросник самоотношения С.Р. Пантилеева, выявляющий структуру самоотношения личности, а также выраженности отдельных компонентов самоотношения: закрытости, самоуверенности, саморуководства, отраженного самоотношения, самоценности, самопривязанности, внутренней конфликтности и самообвинения;

2) тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО), позволяющий изучить особенности смысловой сферы обучающихся, выделить уровень их смыслового развития;

3) опросник самоактуализации личности А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина (САМОАЛ), определяющий специфику стремлений человека к более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей.

Кроме этого, мы понимали, что оценить эффективность разработанных технологий обучения возможно, если исходить из их функционального

назначения: способствовать самораскрытию личности, гармонизации компонентов цвета и образа, а также обеспечить разнообразие средств презентации и, таким образом, подчеркнуть результативность технологий обучения в эмоциональной составляющей. Потому нами были выбраны следующие психодиагностических методики:

4) Опросник уровня самораскрытия (опросник С. Джурарда в модификации Н.В. Амягой), выявляющий способность человека к самораскрытию, желание сообщить другим информацию о себе, что способствует лучшему познанию себя и своих возможностей, обуславливает личностный рост и способствует развитию межличностных отношений.

5) Методика диагностики «помех» (барьеров) в установлении эмоциональных контактов, направленная на выявление уровня эмоциональной эффективности в общении и выявление типа эмоциональных помех (В.В. Бойко).

6) Цветовой тест отношений Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинда в модификации Л.Б. Кузнецовой, предназначенный для изучения особенностей проявления внутриличностных противоречий на эмоциональном уровне.

Таким образом, показателями психологического критерия выступили мотивационно-смысловой и коммуникативный.

В ходе проведения сравнения результатов на констатирующем и формирующем этапах экспериментальной работы были получены следующие результаты, описывающие эффективность реализации технологий, инициирующих смыслообразование средствами цветообразов в практике образовательного процесса.

По мотивационно-смысловому критерию, несмотря на избирательное отношение к себе в зависимости от ситуаций, обучающиеся позитивно воспринимают себя как личность, приобретают большую уверенность в себе.

По коммуникативному показателю зафиксирована динамика снижения замкнутости в общении, склонность обсуждать с другими личностно-значимую для респондентов информацию; проявлять гибкость в общении и др.

В целом можно подчеркнуть общее снижение низкого уровня самоотношения (64% : 53%) в сторону среднего (36% : 47%) по отдельным шкалам методики (преимущественно в гр. № 1); смысложизненных ориентаций (64% : 51%) в сторону среднего (28% : 36%) и высокого (8% : 13%) по общей осмысленности жизни; уменьшение процента респондентов, набравших минимальное количество баллов по шкалам: спонтанность (38%) и гибкость в общении (36,5%).

Отмечена тенденция к раскрытию себя перед другими (табл. 1).

Таблица 1

Процентное соотношение респондентов с разными баллами самораскрытия, в %

Баллы	Гр. № 1 47 чел. Монтаж и эксплуатация оборудования и систем газоснабжения		Гр. № 2 56 чел. Право и организация социального обеспечения	
	начало	окончание	начало	окончание
1–10	12	4	14	9
10–20	47	29	50	26
20–30	33	50	28	44
30–40	8	17	8	12

Студенты указывают на следующие условия самораскрытия: что-то нравится и не нравится в себе (19%); что-то очень важное для каждого (29%), а также отношения с близкими для них людьми (19%).

Снизилось количество студентов с серьезными эмоциональными помехами в общении (табл. 2).

Таблица 2

Процентное соотношение респондентов с разными эмоциональными помехами, в %

Содержание эмоциональных помех	Гр. № 1 и № 2 47 чел. Монтаж и эксплуатация оборудования и систем газоснабжения		Гр. № 1 и № 2 56 чел. Право и организация социального обеспечения	
	начало	окончание	начало	окончание
1 гр. неумение управлять эмоциями, дозировать их	42,5	34	32	28,5
2 гр. неадекватное проявление эмоций; негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций	21	21	36	32
3 гр. негибкость, неразвитость, невыразительность эмоций)	12	12	14	14
4 гр. доминирование негативных эмоций	14	19	11	21
5 гр. нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе	8,5	12	7	3,5

В ходе анализа эмпирических исследований самоотношения, смысложизненных ориентаций, самоактуализации студентов, а также эмоциональных помех, цветовых отношений, самораскрытия были также обоснованы индикаторы психологического критерия.

Индикаторами мотивационно-смыслового показателя выступают следующие: студенты приобретаюте большую уверенность в себе, проявляют интерес к своей личности; ожидают позитивного восприятия своей личности однокурсниками; проявляют больший интерес к жизни, ощущают ее эмоциональную насыщенность; чаще спонтанны и креативны; проявляют гибкость в общении.

Индикаторами коммуникативного показателя выступают следующие: уменьшается количество ориентацией обучающихся на замкнутость; проявляются склонности обсуждать с другими через цветообразы очень важную для себя информацию; снижается выраженность эмоциональных помех в общении; преобладающей становится ориентация на значимость Другого при презентации цветообразов.

Таким образом, обоснована эффективность технологий, инициирующих смыслообразование средствами цветообразов, по психологическому критерию.

Литература

1. Абакумова И.В., Рудакова И.А. Дидактика: современные методы и технологии обучения [Текст] / И.В. Абакумова И.В., И.А. Рудакова. LAP Lambert Academic Publishing Saarbrusken, Германия, 2012. 367 с.

2. Хуаз Б.А. Основные свойства цветообраза как психологической категории [Текст] / Б.А. Хуаз / Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (заочной / под ред. Е.В. Харитоновой. Краснодар: ИЭиУ МиСС, Парабеллум, С. 281-285.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ.

Жумакаева Бахыт Даулетхановна
Кандидат исторических наук,
Директор центра «Медиации и конфликтологии»
Алматы Менеджмент Университет г. Алматы
(Zhumakayeva Bakhyt)

В условиях трансформации политических институтов, смены парадигм общественного развития изменяется смысл поведения различных групп, возникает напряженность в обществе, периодически повторяющиеся экономические и политические кризисы интенсифицируют конфликты и сами являются следствием конфликтогенности. Причины и последствия массового поведения интересны с точки зрения политологии так и ряда других наук психологии, социологии и пр. Важность политических аспектов различных форм массового поведения обуславливает необходимость изучения динамики массового поведения среди прочих явлений современной политики. Без исследования политического поведения масс невозможно понять суть перемен, происходящих в политической жизни страны. В его динамике отражается политическая реальность, которая, в свою очередь, формируется в результате политического поведения масс и политической элиты.

Как политический феномен массовое поведение не является чем-то статичным, изначально заданным. В периоды кардинальных общественных трансформаций, а именно таковыми были 1990-е годы в истории нашей страны и таковыми являются сегодняшние процессы, происходят сдвиги в ранее устойчивых формах массового поведения.

Обобщение достижений современного научного анализа проблемы массового политического поведения позволяет выделить наиболее существенные признаки данного феномена. Массовое стихийное поведение обозначает различные формы поведения толпы, циркуляцию слухов, паники и прочих массовых явлений. Прежде всего, следует отметить, что его характер и направленность зависят и определяются массовым сознанием.

В массовом политическом поведении, безусловно, сказывается детерминирующая роль массового сознания, которое понимается как отражение материальных условий жизни, труда и отношений. При этом массовое сознание рассматривается стержнем всех отмеченных компонентов и имеет ряд особенностей:

- является производным, прежде всего, от экономического базиса общества и по содержанию охватывает все его социально-политические и экономические проблемы;

- носит многоаспектный системный характер, обеспечивающий интеграцию различных форм сознания - правового, этнического, политического, профессионального, стихийного и др.;

- проявляется на уровне отдельного человека, групповом или малых групп и целостном, т.е. общественном;

- играет активную преобразующую роль в политическом поведении и политических отношениях [Андреева Г.М. Психология социального познания: Учеб. пособие для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. - М: Аспект Пресс, 1997. - 239 с.].

Массовое сознание, как интегративное основание массового поведения, имеет ряд особенностей, таких как высокая динамичность, противоречивость и спонтанность, которые формируются и изменяются под действием более широкого и мобильного спектра факторов. Во-первых, существенно зависит от устойчивости интеграции различных реально действующих факторов и условий. Во-вторых, неоднозначно и противоречиво проявляется на индивидуальном, групповом и массовом уровнях.

Причины и непосредственные поводы к возбуждению недовольства или энтузиазма толпы могут быть самыми разнообразными как политическими так и социальными, экономическими и др. Исследователи подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным, что подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но в той же мере вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы. Толпа как тип социальной группы характеризуется аморфностью, однородностью структуры. В ней либо вообще нет лидера, либо, если он появляется, чаще по самоназначению, то все члены группы делятся на две роли: лидер и его последователи. При этом власть лидера бывает неограниченной, так как его последователи не размышляют, а слепо следуют его приказам. [Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 90-х: теоретические и прикладные проблемы политической психологии. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 121].

Нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к появлению слухов, панике, агрессии.

Слухи и эмоциональное настроение являются одним из механизмов образования толпы. Слухи являются процессом передачи эмоционально актуальной информации по средствам коммуникации. Эмоциональное настроение представляет собой процесс обоюдного заражения, по мере интенсификации которого взаимодействие между индивидами с уровня коммуникации переходит на уровень массового поведения.

Солидарность является также одной из инстинктивных форм поведения участников массовых событий, которые способны не только соперничать друг с другом, но и сотрудничать. В основе проявления солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной частью толпы, группы, позволяющая объединить усилия части участников по достижению своих целей и интересов. Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом инстинкты охватывают все

бессознательные, иррациональные, чувственные формы поведения как отдельного человека в толпе, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Формой политического поведения являются также *установки,* понимаемая как форма массового стандартизованного отношения между людьми, как форма общения. Причины, обуславливающие господство в обществе того или иного типа массового стандартизованного поведения не случайны, также как не случайно возникновение того или иного вкуса или стиля, которые влияют, иногда и определяют направление поведения. Кроме того, *слухи, массовая истерия, паранойя и шизофрения, массовые увлечения и бумы* также относятся к поведению толпы и классифицируются как разнообразные формы массового поведения, и как видим, практически каждый из нас подвержен какому-нибудь его типу. Поэтому значимость проблемы обусловлена практически повсеместным распространением типичных форм массового поведения среди граждан.

Выделяют ряд предпосылок и факторов превращения более или менее организованной группы в паническую толпу:

- во-первых, наиболее распространенными являются *социальные предпосылки*, вызванные общей напряженностью в обществе, связанные с природными, экономическими или политическими бедствиями, таких как наводнение, резкое падение курса валюты, начало или неудачное ведение боевых действия и т. д.

- во-вторых, физиологические предпосылки, вызванные с усталостью, голодом, долгой бессонницей, действием алкоголя, наркотиков и др., когда снижается уровень индивидуального самоконтроля, что при массовом скоплении людей чревато особенно опасными последствиями.

- в-третьих, общепсихологические предпосылки, как удивление, испуг, вызванные недостаточной информированностью о вероятной опасности и возможных способах противодействия;

- в-четвертых, социально-психологические и идеологические предпосылки, связные с отсутствием ясной и высокозначимой общей цели, эффективного лидерства, недостаточным доверие к лидерам и низким уровнем групповой сплоченности.

В целом, следует учитывать, что настроения людей находящихся в толпе, развиваются и имеют свою закономерность, а именно многократное усиление эмоций под влиянием внушения и повторения.

Анализ политической реальности невозможен без учета так называемых образцов политического поведения, которые включают в себя шаблоны группового и индивидуального поведения в публичной сфере, в сети отношений, выстроенных властными институтами. Политический шаблон описывает исполнение социальными группами или субъектами предписанных политическими институтами, законодательством, иными властными директивами, обычаями определенных политических ролей [1956: незамеченный термидор. Пермь, 2007. с.10-11.].

Для того, чтобы выделить область применения указанного понятия, представляется необходимым структурировать его значение, условно обозначив их динамичной и статичной. *Динамическая структура* образцов политического поведения состоит из трех основных элементов: источника его формирования, механизма трансляции, с элементами обратной связи, или без них и поведенческих актов, в которых воспроизводятся установленные образцы. *Статичная структура* образцов политического поведения включает такие компоненты как политический акт, его символическое наполнение, вербального и невербального выражения. Поскольку в обоих случаях речь идет об одном и том же явлении, то исходные различия между двумя структурами являются условными, предназначенными сугубо для аналитических целей. Изучение политических образцов возможно только в контексте реального пространственно-временного континуума. Доминирующим элементом политической традиции для постсоветских стран являются советские образцы политического поведения, которые могут быть рассмотрены как эталонные феномены для всей постсоветской действительности.

Источником советского политического шаблона сталинской эпохи был властный текст, составленный из нескольких фрагментов разной степени авторитетности. После 1938 года самым большим удельным весом обладал «Краткий курс истории ВКП(б)», объявленный главным сталинским посланием к советскому народу. Другие его тексты, опубликованные в «Вопросах ленинизма», в сборниках приказов Верховного Главнокомандующего, или в газете «Правда» вместе с «Кратким курсом» составляли большой канон. Правом на интерпретацию политической ситуации владел вождь, названный в одном из обращений к нему «источником силы и власти.[Бенсман Н. - Сталину И.В. 7 01.1947// «Дорогой наш товарищ Сталин!»... и другие товарищи. М.:Звенья,2001.] В стране определялось, какой из его трудов и цитат из них в текущий момент является самым правильным, а какие представляют только исторический интерес. Тексты, апробированные специальной комиссией и отмеченные сталинскими премиями, повторяли те же указания, но рассчитанные на более длительный срок, иначе говоря, очерчивали горизонты политического мира, расцвечивали и очеловечивали его стабильные учреждения, формировали достойные образцы для подражания. Инструментом для передачи населению эталонов политического поведения был все тот же опубликованный текст, переложенный на язык букваря, лозунга, детской книжки - раскраски, на оперное либретто, песенные куплеты и кинодиалоги. Главным приемом было повторение с некоторыми элементами аранжировки, иначе говоря, с вариациями, продиктованными жанрами социалистического реализма, хотя индивидуальные интерпретации отнюдь не поощрялись. Существовал термин «отсебятина», клеймивший интеллектуальное высокомерие отдельного лица, осмелившегося предложить что-то свое в передаваемый властный текст.

Но тоталитарные и авторитарные режимы не возникают на пустом месте. Чаще всего такие режимы рождаются тогда, когда народ становится неуправляемым, и создается реальная угроза целостности и даже фактическому существованию государства. И всегда эти периоды революционного брожения народных масс совпадали и совпадают с развалом экономики государства, или с провалом военной компании, угрожающей независимости страны.

Понятно, что тогда угроза, исходящая от массовых движений, многократно возрастает. Достаточно случайно или специально пущенного слуха, чтобы возбужденная толпа на месте цветущего города оставила дымящиеся развалины. А паника среди солдат на фронте, моментально может привести к поражению даже самую сильную армию. Характерно, что лозунг римского плебса был «Хлеба и зрелищ». И чем больше лилось крови на аренах цирков, тем больше было шансов успокоить толпу.

Поэтому изучение глубинной психологии масс было и остается одной из важных проблем современного государства. Этой проблемой занимались историки, такие как Огюстен Кабанес и Леонард Насс («Революционный невроз»), Фуллье («Психология французского народа»), Лебон («Психология масс»), так и психологи и психоаналитики, первым среди которых нужно назвать Фрейда («Психология масс и анализ человеческого Я»).

А вот, как характеризует психологию толпы Фрейд: «Масса импульсивна, изменчива, раздражительна. Ею руководит почти исключительно бессознательная сфера. Импульсы, которым повинуется масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всяком случае они настолько повелительны, что они побеждают личное и даже инстинкт самосохранения. Масса ничего не делает преднамеренно. Если масса даже страстно чего-нибудь хочет, то все-таки это продолжается недолго, она неспособна к длительному хотенью. Она не выносит никакой отсрочки между своим желанием и осуществлением его. У нее есть чувство всемогущества, для индивида в толпе исчезает понятие о невозможном» [Фрейд З. «Психология масс и анализ человеческого Я» М.,1999]

И дальше Фрейд проводит еще более точное сравнение. Он пишет, что «повышение всех эмоциональных побуждений до крайности, до безграничности характерно для аффективности ребенка», также как это абсолютно точно характеризует и поведение толпы.

Если теперь обратиться фактическому участию масс в политике, то перед нами предстанет очень плачевная картина. Даже в экономически развитых странах с сильными демократическими традициями, таких как США и страны Западной Европы, если исключить периоды выборных кампаний, которые зачастую тоже не дают примеров особенной активности граждан, наблюдается очень низкое участие населения в реальной политической деятельности. Заметим, что все протестные компании антиглобалистов, зеленых или противников войны в Ираке, о которых так много сообщают в

прессе, в действительности охватывают очень маленький процент населения. Причем, как правило, в демонстрациях и акциях протеста участвует в основном молодежь.

Что касается Казахстана, то, при высоком эмоциональном и вербальном интересе населения к происходящим вокруг них событиям, наблюдается низкий уровень участия в реальной политической жизни страны.

Как показывают опросы общественного мнения, опубликованные в сети Интернет, лишь только 6% из числа опрошенных респондентов лично принимают участие в политической деятельности. Соответственно, 94% респондентов не принимают участия в политической деятельности вообще.

Так на вопрос: «Проявляете ли вы инициативу в организации политических (предвыборных) мероприятий (сбор подписей в пользу кандидатов и политических блоков, объединений)?». Были получены следующие результаты:

Постоянно занимаются такой деятельностью лишь 1% из числа опрошенных респондентов, 3% занимаются от случая к случаю, 5% занимаются в период избирательных кампаний. Как правило, политической деятельностью занимается та часть населения, которая имеет непосредственное отношение к политике.

Опрошенные объясняли свою пассивность тем, что «в делах страны ничего не зависит от простого народа».

Во многом причиной здесь является равнодушие к политической жизни страны большой части населения, относящейся к среднему и пожилому возрасту.

Из всего вышесказанного, следует, что человек в массе – это очень опасное и неуправляемое существо. И, следовательно, привлечение политологии к решению проблемы роли масс в политике и политического поведения масс окажет неоценимую услугу не только политической элите, но и населению всей страны в целом. Потому что, всегда лучше предвидеть и предотвратить возможные массовые эксцессы, чем учиться на «собственной шкуре, долго затем зализывая полученные раны».

Таким образом, можно сказать, что народные массы, с одной стороны, являются «материалом» с помощью которого делается политика государства, но, с другой стороны, – это «зеркало», в которое постоянно должен смотреться политик, если он хочет оставаться у власти, а не быть снесенным волной народного гнева и ненависти.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ УМЕНИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Гиниятуллина Эльвира Хусейновна
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск
аспирант кафедры педагогики и психологии детства

Аннотация. В данном исследовании представлена функциональная составляющая методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста. Инструментальным выражением методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста является реализация следующих функций: коммуникативная, поликультурная, социальной адаптации, семиотическая, лингводидактическая.

Ключевые слова: поликультурные умения, функция, методика, формирование, дети старшего дошкольного возраста.

Abstract. This study presents the functional component of the method of preschool children's polycultural skills formation. The instrumental expression of the method of preschool children's polycultural skills formation is the implementation of the following functions: communicative, polycultural, social adaptation, semiotic and liguodidactic.

Keywords: polycultural skills, function, method, formation, preschool children.

Третье тысячелетие ознаменовано усиленным вниманием к формированию поликультурной языковой личности, способной вести межкультурный диалог. В связи с этим ФГОС ДО, являясь основным регламентирующим элементом разработанной методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста, диктует формирование всесторонне развитого ребенка, владеющего навыками продуктивного взаимодействия с носителями различных культур. В данном случае, в рамках инновационных технологий обучение детей английскому языку является эффективным средством приобщения детей к иной культуре (знакомство с обычаями, традициями, обрядами, особенностями быта, искусства родной и иноязычной культуры).

Методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста включает мотивационно-ценностный, содержательный, технологический и деятельностно-практический компоненты. Специфической особенностью содержательного компонента является синтез межкультурного, языкового, коммуникативно-толерантного и дискурсивного блоков.

Разработанная методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста направлена на реализацию следующих функций: коммуникативная, поликультурная, социальной адаптации, семиотическая, лингводидактическая.

Коммуникативная функция предполагает общение людей при помощи языка, передачу информации друг другу. С коммуникативной функцией связаны такие стилевые черты, как: непринужденность, чувственная конкретность, эмоционально-оценочная информативность [4].

Проведенное исследование показало, что коммуникацию детей старшего дошкольного возраста можно представить в виде классификации, состоящей из базовой группы (приветствие, прощание, обращение, просьба, благодарность, прощение, отказ и др.), которая отражает содержательную суть общения, и процессуальной группы (слушать других, сотрудничать, умение анализировать ситуацию с точки зрения чувств и состояний партнеров, производимых ими воздействий), обеспечивающая общение как процесс.

Е.А. Смирнова выделяет следующие составляющие условий развития коммуникации детей дошкольного возраста: социальная ситуация развития детей дошкольного возраста, формирующаяся потребность в общении с взрослыми и сверстниками; совместная деятельность (игровая деятельность) и обучение (на основе игровой деятельности). Данные составляющие создают зону ближайшего развития детей дошкольного возраста [5, с. 58-65].

Следует учитывать, что при развитии коммуникативной деятельности детей старшего дошкольного возраста педагогу необходимо уделять внимание психическому состоянию детей и степень проявления общего развития речи посредством диалога, создания сюжетных ситуаций, дидактических игр, лексических упражнений и др.

Таким образом, коммуникативная функция направлена на формирование желания детей вступать в контакт с окружающими детьми других национальностей; умения пользоваться речью; умения организовать общение и вести диалог или беседу; умения слушать собеседника (сочувствовать, сопереживать); умения проявлять эмпатию; умения сохранять уверенность в себе, несмотря на временные трудности и неудачи [3, с. 30-33].

Поликультурная функция способствует приобщению детей к культуре своего народа и культуре народов ближайшего национального окружения, формированию проявления чувства толерантности и симпатии к людям других национальностей, пробуждения интереса и осознанного дружеского отношения и уважения к культуре других народов – все это воспитывается благодаря усвоению детьми определённого круга знаний о нескольких народах: местожительстве каждого из них, главном городе, климатических, природных условиях, труде, быте, народном творчестве, о высоких нравственных качествах народа, его дружеских взаимоотношениях с людьми разных национальностей.

Педагогический процесс в дошкольной образовательной организации должен быть спроектирован так, что он представляет собой совместную деятельность педагога и ребенка, при котором ни социальное положение, ни принадлежность к различным национальным культурам не были бы препятствием к сотрудничеству обучающего и воспитанника.

Поликультурная функция формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста решает следующие задачи: приобщение детей дошкольного возраста к ценностям мировой культуры и культуре своего народа; воспитание детей дошкольного возраста в духе взаимоуважения и взаимопомощи; формирование бережного отношения к родному языку и национальному достоянию народа; формирование равенства и равноправия всех наций и народностей, на основе приоритета общечеловеческих ценностей.

Функция социальной адаптации (Я.А. Коломинский, А. Маслоу, З. Фрейд и др.) подразумевает способность детей дошкольного возраста заранее предусматривать изменение поведения при установке на новые, неожиданные общественные требования, например, при вхождении в новую микросоциальную группу.

Дошкольные учреждения имеют свою специфическую особенность (одновременное пребывание вместе довольно значительного числа детей и определенные стандарты в подходах к детям) и свою среду. Для успешной адаптации детей дошкольного возраста к условиям дошкольного учреждения, прежде всего, необходимо сформировать у них положительное отношение к детскому саду. Педагогу необходимо проявлять постоянную заботу о совершенствовании работы в детских дошкольных учреждениях, использовать научный подход к организации жизни и воспитания детей, а именно: предотвратить нежелательное поведение, нарушения в состоянии здоровья и всестороннего развития ребенка.

Итак, функция социальной адаптации поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста направлена на решение следующих задач: формирование у педагогов умения и желания создать атмосферу тепла, доброты, внимания в группе; развитие профессионально-личностного потенциала педагогов, работающих в инновационном дошкольном учреждении; формирование положительного отношения родителей на происходящие изменения в дошкольном учреждении; установление стилей воспитания детей дошкольного возраста в семье; развитие у детей дошкольного возраста таких качеств, как умение сопереживать, коммуникативные навыки, доброжелательность, организаторские и артистические способности, эмоциональную стабильность.

Семиотическая функция (Р. Карнап, Я.Р. Мукаржовский, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон и др.) способствует развитию речевой репрезентативной когнитивной структуры благодаря взаимодействию анализаторов в процессе восприятия и анализа речи.

Анализ семиотических исследований (Ю.В. Барышникова, А.В. Вартанов, А.А. Миролюбов, Е.И. Пассов и др.) показал, что изучение родной культуры представляет собой ключ к пониманию иной культуры. Изучение иностранной культуры посредством языка становится возможным только на сформировавшейся национально-культурной базе родного языка, следовательно, родная культура является той базой, которая делает возможным приобщение личности к культуре другого народа, изучению и пониманию ее с помощью языка [2].

Процесс формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста должен начинаться с пересмотра роли родного языка в образовании, а также взаимоотношений «родной язык – иностранный язык», «родная культура – иностранная культура».

В обучении детей дошкольного возраста речь должна идти не просто об использовании знаковых средств, но и о формировании семиотической функции с умением выделять планы, алфавиты, типы связей между планами, умением переводить информацию с одного языка на другой. Семиотическая функция развивается у детей дошкольного возраста методом от общего к частному, основной единицей данного процесса является слово, представляющее собой единство фонетической и семантической сторон и содержащее в себе основные свойства, присущие речевому мышлению.

Педагогу необходимо учитывать, что ребенку сложно запомнить сразу текст рифмовки, песенки, стихотворения, для этого подбираются карточки со знаками, обозначающие те или иные слова или фразы, глядя на которые детям легче воспроизводить услышанное; схемы для построения диалогов и монологов.

Лингводидактическая функция (Г.И. Богин, Л.И. Божович, Н.Д. Гальскова, И.А. Зимняя и др.) позволяет выявить объективные закономерности, согласно которым должна строиться методика обучения иностранным языкам, в центре которой находится полилингвальная и поликультурная языковая личность детей дошкольного возраста [1, с. 87-88].

При обучении иноязычному говорению новые слова, новые структуры сталкиваются со словами и структурами родного языка, и чаще всего такое столкновение препятствует усвоению нового материала. Происходит не только усвоение новых знаний, но и формирование навыков и умений, что предполагает особую организацию учебного процесса. Данные обстоятельства порождают свои закономерности, которые закладываются в основу методов обучения, представляя собой лингводидактические принципы обучения иноязычному речевому высказыванию.

Интерес к процессу говорения на иностранном языке держится на внутренних мотивах, которые исходят из самой иноязычной деятельности. В целях сохранения интереса к предмету преподаватель иностранного языка должен развивать у студентов внутренние мотивы.

Анализ лингвистической литературы позволил определить, что важнейшими конструктами формирования поликультурных умений детей дошкольного возраста на основе лингводидактической функции являются: поликультурное образование детей дошкольного возраста; содержание, которое включает коммуникативно-поведенческий (языковые и речевые знания, умения и навыки), личностно ориентированный (текст, адресованный ребёнку как личности, индивидуальности, определяющей свое отношение к себе, окружающим людям, образцам отечественной и зарубежной культуры), лингвокультурологический (связь культуры с речью в фактах реального воплощения культурной информации через речевую коммуникацию) компоненты.

Таким образом, выделенный комплекс функций позволяет педагогу формировать поликультурные умения детей старшего дошкольного возраста в целях создания благоприятного коммуникативного взаимодействия (коммуникативная функция), приобщения детей к культурным ценностям языкового образования (поликультурная функция), создания комфортной атмосферы (функция социальной адаптации) с целью усвоения языка посредством определенных знаковых систем (семиотическая функция) и усвоения языка в контексте многоязычия, индивидуальных и культурных особенностей детей старшего дошкольного возраста (лингводидактическая функция).

Список литературы

1. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений [Текст]/ Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336с.
2. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
3. Колкер, Я.М. Речевые способности: как их формировать? /Я.М. Колкет, Е.С. Устимова // Воспитание в детском саду, 2000. - № 4. – С. 30-33.
4. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Пилигрим. *Под ред.* Т.В. Жеребило. 2010. – 488 с.
5. Смирнова, Е.А. Формирование коммуникативной компетентности у детей дошкольного возраста // Воспитатель дошкольного общеобразовательного учреждения. – № 1. – 2008. – С. 58-65.